

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

И.И. Жиленкова

ТОПОНИМЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(системный лингвоанализ названий населенных пунктов)

Учебное пособие по лингвокраеведению

Издание второе

Белгород

2012

УДК 81'373.211.1(470.325)
ББК 81.05(2...)
Ж 72

*Печатается по решению Белгородского областного
издательского совета при Администрации Белгородской области*

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор **В.К. Харченко**
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет);
доктор педагогических наук, профессор **Т.Ф. Новикова**
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет);
Заслуженный учитель Российской Федерации **Н.А. Тюмейко**
(МОУ «Гимназия № 3 г. Белгорода)

Жиленкова И.И.

Ж 72 Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): учеб. пособие по лингвокраеведению. Изд. 2-е / И.И. Жиленкова. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 124 с.

ISBN 978-5-9571-0588-6

Учебное пособие освещает одно из направлений лингвокраеведения – системное описание современных названий населенных пунктов Белгородской области.

Названия населенных пунктов (ойконимы) исследуются в двух аспектах: по семантике образующих основ и по способам словообразования.

Предназначено преподавателям и студентам филологических факультетов высших учебных заведений и учителям-словесникам для организации лингвокраеведческой работы.

УДК 81'373.211.1(470.325)
ББК 81.05(2...)

ISBN 978-5-9571-0588-6

© Жиленкова И.И., 2012
© НИУ «БелГУ», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Повторное издание учебных пособий – это по существу высшая их оценка, с одной стороны, и обеспечение здорового, идеального консерватизма преподавания, чего сейчас остро недостаёт, – с другой. Наконец, в каком-то смысле это ещё и решение проблемы тиражности, поскольку научно-учебные (есть такой термин!) книги в абсолютном большинстве случаев издаются на средства автора. Главное из этой триады, конечно же, оценка уже состоявшегося издания. Учебное пособие доцента И.И. Жиленковой не просто понравилось учительству Белгородской (не только Белгородской!) области – оно было востребовано школами, поскольку это как раз та книга, которая действительно способна помочь учителю-исследователю приступить к руководству поисковой деятельностью учащихся. При высоких требованиях к результатам НИР учащихся, где есть позиции и новизны, и актуальности, и практических выходов наработанного (и далее со всеми останковками общеизвестной ВАКовской части диссертаций!), сам руководитель, подсказчик, инициатор и темы, и направлений её разработки, другими словами учитель-исследователь нередко сам остаётся без необходимого сопровождения, прежде всего без учебных пособий, своим содержанием способных приобщать учащихся к научно-исследовательскому труду. Книга И.И. Жиленковой восполняет этот пробел, вакуум, закрывает чёрную дыру неопределённости и поисковой анархии.

Обратимся ещё раз к содержанию учебного пособия, чтобы прокомментировать его с несколько расширенных позиций.

Как мы уже отмечали ранее, оживившийся в перестроечные и постперестроечные годы интерес к регионоведению, этнокультурологии далеко не случаен. С одной стороны, россиеведение не может развиваться без полнокровного регионоведения. Как и впрямь, «Россия сильна провинцией» (Н.М. Карамзин). С другой стороны, сами регионы нуждаются не только в политической (экономической, финансовой, гуманитарной) поддержке равно изнутри и из центра, но не менее остро нуждаются и в серьёзных научных исследованиях собственной, во многом уникальной многовековой культуры.

*Топонимика – часть национальной культуры, в определенном смысле ее остов. Интерес к истории названий сел и деревень, районов и улиц, болот и ручьев, оврагов и лугов, лесов, рек – характерная черта менталитета интеллигенции того или иного региона. Не исключением является и Белгородская область. Записываются легенды, вспоминаются старинные названия (хутор **Курлы** – ныне хутор **Веселый Прохоровского района**). Остро недостает обобщающих исследований, публикаций совокупного, сводного характера. Не случайно учебное пособие кандидата филологических наук, доцента Белгородского государственного национального исследовательского университета И.И. Жиленковой одобрено и поддержано Белгородским областным издательским советом при Администрации Белгородской области и рекомендовано к опубликованию и внедрению в практику работы вузов, школ, краеведческих музеев, центров народной культуры.*

Задумаемся, почему так важно «любование стариной», в том числе старинными номинантами, словами-названиями. Чтобы не спешить с переобозначениями? Чтобы понимать, что сохранение названия не просто дань уважения к старине, но и свидетельство глубины понимания словесного дара, даже если географическое название темно и загадочно? «Человек в принципе не способен видеть мир, не гримируя его своим воображением».

Мы сохраним старину – старина сохранит нас.

В повести Георгия Семенова «Ум лисицы» есть весьма поучительное сетование: «Местность эта испокон веку называлась Телячьим Бродом. Ни в одном официальном документе такого названия, разумеется, нет: у нас не любят оставлять народные названия, особенно если звучат они с насмешкой, и обязательно переименуют, переименуют как-нибудь так, чтобы они ничего не говорили ни уму, ни сердцу. Я, признаться, даже не знаю, как теперь зовут эту местность, и прозываю ее по старинке».

Анатолий Петров пишет о композиторе Валерии Гаврилине: «Вот он выписал (не случайно, надо думать) названия псковских рек: Алоль, Пуэна, Смердель, Несва, Усвяча, Кунья, Малый Тудер, Сережа (она), Холынья, Редья, Полисть, Исса, Сороть (Пушкин), Уща, озеро Большой Иван, Череха, Курея, Желча, Люта, Ситня, Мишага, Уза, Удоха, Псижа, Саба. Конечно, его привлекла в первую очередь их музыкальная основа, и эти названия показались ему такими мучительно знакомыми, но, увы, непонятными. Однако как же это чудесно, что они сохранились! С исчезновением множества деревень и хуторов канули в забвение и их поистине волшебные, колдовские, чарующие имена».

Приведем здесь же признание Василия Субботина из книги «Подорожники»: «Уходит русская деревня с лица земли! Может быть, поэтому мне захотелось записать названия деревень по пути к Новгороду, по дороге, по которой ездил Пушкин, записать их, эти названия и эти деревни, пока они еще живы... Колесные Горки, Раек, Миронезье, Домославль, Холохолёны, Долгие Бороды, Миронушка, Ижицы, Ярынья, Долгий Мост... Я записывал названия их, названия эти и эти деревни, по мере того как мы их проезжали. И еще: Спасская Полисть, Большое Опочивалово, Каменная Мельница, но это – уже за Новгородом...»

*Аналогичный список наиболее красивых, тонких, изысканных названий населенных пунктов легко составить по книге, которая в руках у читателя: хутора **Лозовая Рудка, Ярки, Осенний Бугор, Кучугуры, Коцин, Дукмасивка, села Солоти, Окуни, Волчья Александровка, Малые Маяки, Гусченка, Истобное, Зимовенька** и мн.др.*

Как значимо для человека любить свое имя, так значимо любить названия окружающей его родной земли.

Учебное пособие И.И. Жиленковой целиком посвящено ойконимам – наименованиям ландшафта, земной поверхности, что составляет естественную основу топонимических знаний. Базой книги по существу стал собранный Ириной Ивановной Словарь ойконимов Белгородской области, на фун-

даменте которого и была проведена последовательная систематизация материала, было осуществлено исследование систем ойконимов Белогорья.

Пособие распадается на две части: тематическую и словообразовательную. Одно и то же название, таким образом, рассматривается стереоскопически: сначала в тематическом ряду, соответственно в диалоге (полилоге) с другими названиями, затем в системе словообразовательных предпочтений и приоритетов. Выводы строятся на процентном исчислении значимости того или иного ойконимического образования.

Для учителя-исследователя важно овладеть терминологией, и предлагаемое учебное пособие открывает такую возможность: бинарные ойконимы с порядковым числительным (с. **Заречье-Второе**), ойконимы-зоонимы (х. **Барсучий**), ойконимы-плюративы (с. **Копанки**).

Книга привлекает не только мощной конкретикой, но также любопытными сквозными линиями. Оказывается, рядом расположенные деревни и села назвались принципиально по-разному: и по особенностям рельефа, и по типовому растению (дереву, например), и по образу зверя (зоотопонимы). Практически всегда срабатывало на интуитивном уровне ТРЕБОВАНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ. Из биологии известно: чем разнообразнее биоценоз, тем он устойчивее. То же можно обнаружить и в системе географических наименований. Впечатляющее разнообразие – так можно охарактеризовать сам материал, но разнообразие не хаотичное, более того, перекинуты мостики дубль-названий в другие районы, что хорошо можно проследить по словникам в разных частях работы.

Одновременно складывались модели наименований ойконимов, задействованные, как показало исследование И.И. Жиленковой, по всей Белгородской области. По книге легко пронаблюдать идеальное процентное сочетание прозрачных и «темных» ойконимов. По-видимому, определенный процент непрозрачности должен иметь место в любой языковой системе. «Не все я должна понимать», как произнесла в церкви во время богослужения героиня романа-эпопеи Л. Толстого «Война и мир». По нашему убеждению, целесообразно соблюдать принцип «золотого сечения»: 0,6 наименований могут быть прозрачными, тогда как 0,4 должны сохранять шарм загадочности, многовековой тайны, поддерживающий уважение и к тому, что не совсем понятно. Устранять из бытия название только потому, что оно «непонятно» значит исказить сам механизм языкотворчества, во многом определяющийся глубинными синергетическими процессами.

Отдельный интерес в предлагаемой читателю книге представляют случаи пересечения географических названий с онимиконом – наименованиями лиц. Как установил автор работы, 38 % Белгородской «географии» – это бывшие имена. И.И. Жиленкова приводит списки мужских и женских имен (соответственно 83 и 22), используемых в качестве образующих основ. Отсюда пошли такие названия, как с. **Авиловка**, с. **Никаноровка**, с. **Нелидовка**, хутор **Юрков** и мн.др. На базе 83 мужских канонических имен и их диминутивных форм было образовано по области 206 наименований географического характера.

В работе много свидетельств из топонимики близлежащих областей (Курской, Воронежской, Харьковской), но не только. Географические свидетельства отдаленных регионов (это Псковщина, Беларусь) также привлекаются автором в подтверждение той или иной мысли.

Разумеется, автор опирается не только на собранный и систематизированный материал, но на широкий фронт современных отечественных научных изысканий. В пособии много цитат, но, тем не менее, оно сравнительно легко читается. Учебная «мелкодробность» подачи материала в перспективе делает весь материал хорошо усвояемым, прозрачным для запоминания, а при самом первом знакомстве с книгой – приглашает к чтению.

Благожелательное отношение к данному учебному пособию и со стороны учителей, и со стороны вузовских преподавателей обеспечено далеко не только позитивными его характеристиками, о которых мы вынужденно коротко (предисловие не есть рецензия!) рассказали. Но главное: отношение к этому пособию определяется ещё и эффектом, феноменом айсберга, только восьмая часть которого видна над поверхностью воды, тогда как вся мощь сосредоточена в невидимых слоях океана. Семь восьмых, о которых мы сейчас говорим, – это собранный доцентом И.И. Жиленковой фонд, солидный корпус подробнейших топонимических описаний каждого района Белгородской области, который в перспективе может быть воплощён отдельными сериями выпусков к данной ключевой, узловой, центрирующей учебной книге.

*Доктор филол.наук,
проф. В.К. Харченко.*

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Задачи региональной топонимики

Современное преподавание лингвистических дисциплин требует обязательного учета регионального компонента образования, отражающего различные аспекты россиеведения.

Предлагаемое пособие разработано на лингвокраеведческом материале – именно топонимическом, изучение которого раскрывает многие стороны языка и позволяет наполнить конкретным содержанием этнокультурный компонент образования. Местный топонимический материал крайне важен для ведения полноценной лингвокраеведческой работы в школе, которая призвана воспитывать у школьников любовь к своему языку и к своему краю.

Актуальность предлагаемого курса определяется тем, что изучение топонимических единиц отдельного региона продолжает оставаться одной из важнейших задач отечественного языкознания, поскольку необходимо «... быстрее зафиксировать все, что еще сохранилось, и тем самым сберечь языковые ценности для науки» [47, с. 9].

Основной массив собственных имен – онимов – составляют топонимы, содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. Поэтому не случайно с 60-х годов XX столетия особенно широко развернулась работа по топонимике, которая включает в свой состав географические названия разных типов: гидронимы, ойконимы, оронимы и т. д.

Ойконимия, под которой понимается совокупность названий населенных пунктов определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем ойконимия представляет интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник.

В данной работе поставлена цель проанализировать названия населенных пунктов Белгородской области, то есть ойконимы, в семантическом и словообразовательном аспектах.

Для достижения указанной цели в пособии решаются следующие задачи:

- представить системный лингвоанализ белгородских ойконимов;
- разграничить топонимические факты, связанные со славянскими и иноязычными базами;
- обобщить местный ойконимический материала по характеру семантики базовых элементов;
- выявить основные способы словообразования белгородских ойконимов;
- сопоставить (по возможности) полученные данные исследования с топонимическим материалом смежных областей.

При характеристике местных ойконимических единиц следует опираться на названия рек и других водных объектов Белгородской области, наименования церковных приходов, учитывать данные картотеки белгородских фамилий и имеющиеся публикации по краеведению, поскольку данные материалы во многих случаях помогают установить источник названия населенного пункта и рассмотреть экстралингвистические факторы, определившие его семантическое содержание. Наряду с этим к исследованию привлекаются словари различных типов: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарь народных географических терминов» Э.М. Мурзаева, «Краткий топонимический словарь» В.А. Никонова, «Словарь русских личных имен» Н.А. Петровского и «Ономастикон» С.Б. Веселовского, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера и другие.

Ойконимия Белгородской области имеет более чем четырехсотлетнюю историю. Специфика территории Белгородского края в прошлом как южного пограничья Московского государства определила своеобразие исследуемой ойконимической системы, в которой отразились в известной степени бывшие контакты племен и народов. Каждый народ, живя на определенной территории, оставляет

о себе память в виде географических названий – истории, выраженной средствами языка.

В связи с этим в данном пособии рассматривается только материал, который по происхождению можно считать русским / славянским (около 1700 ойконимов). Почти 200 названий населенных пунктов Белгородской области подлежат особому изучению, так как имеют семантически неясную образующую базу. В большинстве случаев такие ойконимы относятся к иноязычным, хотя многие из них оформлены по восточнославянским топомоделям.

Такие топонимы могут быть связаны с финно-угорскими базами (*с. Миндоловка, х. Гайдашевка*) или тюркскими (*х. Абалмасов, с. Байцуры*). Можно отметить ряд германизмов (*с. Вергелевка, с. Флюговка*), поздние полонизмы (*х. Менжулюк, х. Мосьпанов*). Подобные названия рассматриваются в работах М.В. Федоровой [88, 89, 90, 91].

Объяснение семантики некоторых географических названий нашего региона затрудняется также тем, что они восходят к таким словам, которые давно вышли из современного употребления и требуют дополнительных этимологических изысканий (*х. Ваковщина, х. Поньри, х. Ряцин и др.*).

§ 2. Из истории топонимики

Интерес к осмыслению географических названий появился на самых ранних этапах цивилизации. Еще античные историки и географы пытались объяснить тот или иной топоним в известной древним грекам населенной части мира.

Восточнославянские топонимы содержатся в сочинениях византийского императора Константина Багрянородного (949-952): *Новгород, Смоленск, Чернигов, Вышеград, Куява* (т.е. *Киев*); в древнейших русских летописях, на старых картах. Уже авторы летописного повествования в отдельных случаях пытаются дать историческое обоснование тем или иным топонимам, но достоверность таких толкований была еще незначительна.

Научный период топонимики в России начался лишь в XIX в. В 1812 году появляется статья А.Х. Востокова «Задача любителям

этимологии», где впервые сформулирована точка зрения на возникновение гидронимов *Ладога, Волга, Днепр, Дон, Оскол* и многих других.

Другой зачинатель русской топонимики Н.Н. Надеждин в работе «Опыт исторической географии русского мира» (1837) связывает изучение топонимов с историей расселения славян и соседних народов. Н.Н. Надеждину принадлежат крылатые слова: «Топонимика – это язык Земли».

Никто из изучающих славянскую топонимию не обходится без «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, собравшего обширный список географических терминов; среди них многие входят в состав собственных географических имен.

Подводя итоги топонимическим исследованиям в России в XVIII-XIX вв., Е.М. Пospelов писал, что «...многие интересные наблюдения, имеющиеся в трудах топонимистов XVIII-XIX вв., еще не введены в научный оборот наших современников и нередко открываются заново» [66, с.43].

Основы современного изучения топонимического фонда были заложены в работе А.М. Селищева «Из старой и новой топонимии» (1939). По схеме, предложенной этим исследователем, русские географические названия делятся на: 1) происходящие от имен людей и их прозвищ (*Юрьево, Дураково, Синеусово*); 2) от названий людей по роду деятельности (*Кузнецы, Гончары*); 3) по социально-имущественному и сословному признаку (*Мещанская слобода, Боярская, Дьякова*); 4) связанные с администрацией и властью (*Царицыно, Монастырщина*); 5) отражающие этнический характер населения (*Мещеряки, Татариново*); 6) отражающие специфику ландшафта и особенности застройки населенных мест (*Гора, Высокое, Семидворье*); 7) с абстрактным значением – в большей степени для послеоктябрьской топонимии (*Правда, Советы, Свобода*).

В 50-60-е гг. XX столетия работа по топонимике постепенно развернулась. Большим событием в русской, славянской и мировой топонимической науке явилось издание в 1962 г. фундаментального исследования В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». В книге представлен тщательный анализ словообразовательных типов славянской гидронимии Верхнего Днепра.

В 1964 г. под редакцией В.А. Никонова и О.Н. Трубачева выходит сборник материалов «Принципы топонимики», авторы которого рассматривают основные принципы и пути топонимических исследований (А.И. Попов, В.А. Никонов), главнейшие направления и аспекты изучения топонимии (Э.М. Мурзаев), применение картографического метода в топонимике (Е.М. Поспелов) и др.

В.А. Никонову принадлежит заслуга создания в середине 60-х годов книг «Введение в топонимику» и «Краткий топонимический словарь», которые и сейчас не утратили своей ценности.

В ряде университетов и педагогических институтов сложились проблемные группы по изучению топонимики. Так, ученые Уральского государственного университета под руководством проф. А.К. Матвеева занимаются исследованием северной топонимии и регулярно публикуют сборники «Вопросы ономастики».

В настоящее время осуществляются различные формы и направления лингвистического изучения топонимии регионов России. В связи с этим назовем исследования, посвященные описанию фактов топонимии по собственно русским территориям, в частности, по Воронежской области в работах В.П. Загоровского [29, 31], по Курской – в работах А.И. Ященко [99, 100], по Липецкой – исследования Г.Л. Щеулиной [97, 98], по Орловской, Калужской областям – в работах М.Н. Морозовой [48, 49]. Значительный вклад в изучение местных географических терминов Воронежской области внесли В.И. Дьякова и В.И. Хитрова [22-27].

Известны топонимические работы, связанные с изучением и других территорий: по Московской области – исследования Г.П. Бондарук [5, 6], по Нижегородской области – работы Л.Л. Трубе [85], Л.А. Климовой [35, 36], по Пензенскому краю – у В.Д. Бондалетова [4], Н.А. Кузнецовой [41, 42, 43], по донской топонимике – у З.В. Рубцовой [72].

Однако до сих пор не было ни одного специального исследования, посвященного детальному изучению топонимического материала Белгородской области вообще и ойконимии, в частности. В работах ряда авторов, в той или иной мере обращавшихся к топонимике Белгородчины, можно найти лишь отдельные замечания о некоторых топонимических единицах исследуемой территории. Укажем, что отдельные наблюдения по местной топонимике име-

ются в работах И.Г. Добродомова [20, 21], Б.И. Осыкова [61, 62], В.А. Прохорова [69], М.В. Федоровой [88, 90, 91] и некоторых других авторов.

§ 3. Система топонимических терминов

Лингвистическая наука, занимающаяся всесторонним изучением имен собственных, называется **ономастикой** (от греч. *onomastike* «искусство давать имена»).

Имена собственные используются для обозначения широкого и разнообразного круга предметов, явлений, понятий; в связи с чем разграничены такие разделы ономастики, как **антропонимика, топонимика, этнонимика, космонимика, зоонимика** и др.

Географические объекты (реки, моря, горы, низменности, города, села, страны, улицы, дороги и др.) также имеют собственные имена – **топонимы** (от греч. *topos* «место» и *онута* «имя, название»). Совокупность топонимов образует **топонимию**. Наука, изучающая топонимию, называется **топонимикой**.

Отдельные классы топонимов имеют свои специальные обозначения:

Топоним	Объект	Примеры
Ойконим (от греч. <i>oikos</i> «жилище»)	Населенный пункт (поселение)	<i>г. Белгород</i> <i>с. Ивановка</i>
Гидроним (от греч. <i>hudor</i> «вода»)	Водный объект (море, река, озеро, пруд, ручей, колодец и др.)	<i>р. Северский Донец</i> <i>оз. Круглое</i>
Ороним (от греч. <i>oros</i> «гора»)	Объект рельефа (овраг, гора, балка, холм, долина и др.)	<i>Белая гора</i> <i>Ближний овраг</i>
Урбаноним (от лат. <i>urbanus</i> «городской»)	Внутригородской объект, часть поселения	<i>м-н «Южный»</i> <i>м-н «Черемушки»</i>
Годоним (от греч. <i>hodos</i> «путь, улица»)	Линейный объект в городе (улица, проспект, переулок, бульвар, набережная)	<i>ул. Студенческая,</i> <i>проспект Ватутина,</i> <i>бульвар Юности</i>
Дримоним (от греч. <i>dres</i> «дуб»)	Лес / лесное угодье	<i>Монастырский лес</i> <i>Дальний лес</i>

В специальной литературе, помимо родового понятия и термина «топоним», употребляют видовые: макротопоним и микротопоним.

Макротопоним (от греч. makros «большой») – это наименование крупного физико-географического объекта, его собственное имя, как правило, имеющее широкую известность и сферу употребления (*Европа, Сибирь, Атлантический океан*).

Микротопоним (от греч. mikros «малый») – название незначительного, «мелкого» физико-географического объекта (ручья, колодца, оврага, покоса, пригорка, леса, болота, зимовья и т. д.)

Кроме указанных специальных обозначений различных классов топонимов, при изучении топонимического материала мы будем обращаться и к другой ономастической терминологии:

Антропоним (от греч. anthropos «человек» и онума «имя») – любое собственное имя человека, в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним.

Антропонимика – отрасль языкознания, изучающая имена людей.

Антропотопоним – топоним, образованный от антропонима (*с. Петровка, х. Жданов*).

Апеллятив – имя существительное нарицательное, от которого может образоваться топоним (лес – *с. Лески*, пруд – *с. Прудки*).

Зооним (от греч. zoo «животное») – собственное имя, кличка любого животного.

Зоотопоним – топоним, образованный от названия животного или птицы (*р. Волчья, п. Зайчик*).

МГТ – местные (народные) географические термины, активно участвующие в образовании географических названий (*ерик – с. Ерик, шлях – с. Шлях*).

Фитоним (от греч. phyton «растение») – название любого растения.

Фитотопоним – топоним, образованный от названия растения (*х. Дубки, с. Ольховка*).

Этноним – название любого этноса, в том числе племени, племенного союза, народа, народности.

Энтопоним – топоним, образованный от этнонима (*Россия, с. Русское, х. Мордовинка*).

Глава I

КЛАССИФИКАЦИЯ ОЙКОНИМОВ ПО СЕМАНТИКЕ ОБРАЗУЮЩИХ ОСНОВ

В данной главе, состоящей из двух параграфов, представлена характеристика ойконимов изучаемой территории по семантике базовых элементов, или образующих основ, местных названий населенных пунктов.

Исходя из особенностей исследуемого материала, при учете разнообразной семантики базовых элементов местных топонимов, в ойконимии Белгородской области выделяем два типа названий: названия естественно-географического характера и названия культурно-исторического характера, которые, в свою очередь, детализируем по семантическим особенностям образующих их основ. Подчеркнем, что семантическая общность ойконима с соответствующим объектом реальной номинации определяется на базе материальной общности их корневых морфем, часто при различиях словообразовательных аффиксов, или на базе выделяемой материальной общности исходного слова.

§ 1. Названия населенных пунктов естественно-географического характера

Ойконимы, представленные в этом разделе, связаны с базовыми элементами, которые отражают естественно-географические особенности Белгородской области, разнообразие ее природных условий, животного и растительного мира. Здесь выделяем следующие тематические группы:

- 1.1. Ойконимы, образованные от названий рек.
- 1.2. Ойконимы, образованные от географической апеллятивной лексики:
 - 1) общегеографические названия;
 - 2) названия, образованные от гидрографических терминов;
 - 3) названия, отражающие рельеф местности;

4) названия, отражающие специфику почвенного покрова и грунта.

1.3. Ойконимы-фитонимы.

1.4. Ойконимы-зоонимы.

1.1. Ойконимы, образованные от названий рек

Наименования населенных пунктов, образованные от названий рек, наиболее устойчивый и самый древний пласт в топонимии любого региона. Взаимосвязь и взаимовлияние гидронимов и ойконимов является одним из важных аспектов проблемы взаимодействия разных топонимических классов, что отмечается во многих работах по топонимике [3, с. 209-216; 9, с. 20-22].

Гидронимы исследуемой территории являются носителем очень важной информации о языке, истории наших предков, а также тех народов, которые предшествовали им. Крупные реки получили названия в глубокой древности, когда на их берегах проживало нерусское и даже неславянское население. Позже славянское население нашего края восприняло иноязычные гидронимы, адаптировало их к своей фонетической системе, грамматическому строю языка. Таковы названия многих рек в Белгородской области: *Ворскла, Валуй, Короча, Нежеголь, Оскол, Потудань, Псел, Уразова* и др.

По территории Белгородской области протекает 480 речек и ручьев, общей длиной более пяти тысяч километров. Крупных рек, длиной свыше 100 километров, всего три: *Оскол, Ворскла, Северский Донец*. Все реки, за исключением *Оскола* и его притока *Убли*, берут начало в нашей области. Свои воды, через Днепр и Дон, они отдают Черному и Азовскому морям.

Часть гидронимов, русских/восточнославянских по происхождению, имеет прозрачную семантику, так как названия этих водных объектов отражают природные особенности нашего края.

Многие небольшие речки получили названия по растительности, встречающейся в их долинах. Такие гидронимы легли в основу образования следующих ойконимов: *п. Ивенка* Ракит. – *р. Ивинка* (с другим орфографическим отражением заударного гласного);

с. Ольшанка Черн. – *р. Ольшанка* (по ольховым зарослям); *с. Дубянка* Губк. – *р. Дубенка* (с другим орфографическим отражением заударного гласного).

Некоторые гидронимы могут быть связаны с названиями животных, водившимися в местах, где протекают реки. Таковы названия *р. Бобрава* и *р. Волчья*, по течению которых расположены селения: *с. Бобрава* Ракит. и *х. Волчий-Первый* Волок., *с. Волчья Александровка* того же р-на.

Этимология названия *р. Бобрава* рассматривается в работе М.В. Федоровой «Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области» [91], где данный гидроним связывается с названием старого мордовского божества – покровительницы бобров. Мы же, в связи с широким использованием основ названий животных для именованя рек, склонны связывать название *р. Бобрава* с общеславянской лексемой *бобр* как названия животного. При этом подчеркнем, что Т.И. Вендина в работе «Гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения» отмечает, что «среди гидронимов зоонимического происхождения наиболее часты исходные лексемы *бобр* и *волк*» [9, с. 21].

В названиях рек могут отражаться лексемы, называющие залежи полезных ископаемых в нашем крае: *р. Ржавец* (небольшая речка с красноватой водой, что свидетельствует о наличии в почве различных соединений железа). С данным гидронимом связан ойконим *с. Ржавец* Шеб.

Наименование *с. Сухосолотино* Ивн. связано с названием *р. Солотино*, в основе которого лежит диалектное слово *солоть* «вязкое, жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото, на твердой почве, без трясины, иногда со ржавцами» [Даль, 4, с. 267].

В названиях некоторых рек могут быть отражены особенности формы их русла, течения, разлива. Так, с гидронимом *р. Двуречная* соотносится ойконим *х. Двуреченка* Ров., а название *р. Топлинка* лежит в основе ойконима *с. Топлинка* Белг. (эта река в прежние времена в половодье часто выходила из берегов).

Ойконим *с. Орлик* Черн. связан с названием *р. Орлик*, которая является правым притоком *р. Оскол* и течет в Губкинском и Чер-

нянском районах Белгородской области. Свое название гидроним получил от древнерусского слова *орель* «угол», так как при впадении в *р. Оскол* эта небольшая речка образует угол [69, с. 133].

Славянскими по происхождению можно считать и гидронимы *р. Корень* и *р. Ситная*, названия которых легли в основу ойконимов *х. Коренек* Губк., *х. Коренская Дача* Шеб. и *х. Ситное* Ракит. Отметим здесь и название *с. Разумное* Белг., которое дано по *р. Разумная* (вариант – *Разуменка*). Польский лингвист Г. Борек, анализируя данный гидроним, отмечает, что это название «...можно отнести к так называемым топонимическим абстракциям, ...где трудно обнаружить реальное смысловое топонимическое содержание, хотя они, как правило, ясны по значению» [7, с. 103].

Особое внимание привлекает название *р. Пена*, которая является левым притоком *р. Псел*. С этим гидронимом соотносятся несколько ойконимов: *с. Верхопенье* Ивн., *с. Вышние Пены* Ракит., *с. Нижние Пены* Ракит., *п. Нижнепенский* Ракит.

Заметим, что гидронимы, образованные от основы *пен-*, зафиксированы и на других территориях: *озеро Пенино* в Псковской области, *озеро Пено* в Тверской области, причем в этом гидрониме сохраняется малопродуктивная теперь в топонимах форма краткого прилагательного, *озеро Пенное* в Славгородском районе Беларуси.

С. Роспонд указывает, что праславянская основа **repa* «пена» была «характерна главным образом для названий рек широко разливающихся, не очень глубоких и пенистых» [71, с. 23].

Обращает на себя внимание и название *р. Лопань*, которое соотносится с ойконимами *с. Веселая Лопань* Белг., *п. Веселолопанский* Белг. Исходная лексема *лопань* «колодезь на топи, на болоте» [Даль, 2, с. 266] употребляется также в Подонье.

Некоторые ойконимы в нашем материале отражают древние славянские топомодели и представляют собой производные названия от гидронимов иноязычного происхождения.

Так, ойконим *с. Донец* Прох. связан с гидронимом *Северский Донец*, который является самым крупным правым притоком *Дона*. У *Дона*, или *Дона Великого* имелись притоки, названия которых образовались от той же гидронимной основы при помощи суффик-

са *-ец-* с деминутивным значением. Сравним аналогичные образования в донской гидронимии: *Хопрец* – рукав *Хопра*, *Торец* – приток *Тора*, *Изюмец* – приток *Изюма* [74, с. 199].

В своем верховье *Северский Донец* разветвляется на несколько небольших речек и ручьев, одинаково названных *Донцами*, но с разными уточняющими определениями: *Саженский Донец* (т.е. узкий, шириной в сажень), *Липовый Донец* (по берегам произрастала липа), *Валуиченин Донец* (тянулся в сторону города *Валуики*). С гидронимами *Саженский Донец* связаны ойконимы *с. Сажное* и *п. Сажное* в Яковлевском районе, *Липовый Донец* – *х. Липовка* Прох.

Перечислим другие производные наименования селений нашего края, которые связаны с названиями рек неясной семантики: *с. Валуи* Кргв., *с. Валуичик* Кргв., *г. Валуики* – *р. Валуи*; *с. Ворскла* Як. – *р. Ворскла*; *п. Ворсклица* Ракит. – *р. Ворсклица*; *с. Илек-Кошары* Ракит., *с. Илек-Пеньковка* Ракит. – *р. Илек*; *с. Калитва* Ал. – *р. Черная Калитва*; *г. Короча*, *с. Корочка* Губк. – *р. Короча*; *с. Нежеголь* Шеб. – *р. Нежеголь*; *с. Осколище* Волок., *с. Оскольское* НовОск., *с. Приосколье* СтОск., *г. Новый Оскол*, *г. Старый Оскол* – *р. Оскол*, *с. Осколец* Губк. – *р. Осколец*; *с. Санково* Борис. – *р. Санок*; *с. Потудань* СтОск. – *р. Боровая Потудань*; *с. Сеймица* Прох. – *р. Донецкая Сеймица*; *с. Ураево* Вал. – *р. Ураевка*; *р. п. Уразово* Вал., *п. Уразовский* Вал. – *р. Уразова*; *х. Холки* НовОск. – *р. Холок*.

При образовании указанных ойконимов часто используются старые суффиксальные топоформанты *-иц-*, *-ец-*, *-иц-*, которые были широко представлены в восточнославянской топонимии. Это свидетельствует о древнем освоении неславянских гидронимов славянским населением нашего края.

Как было отмечено, мы не предполагаем анализа иноязычных по происхождению гидронимов, но имеем в виду, что к истории этих названий обращаются многие авторы [20; 21; 54, с. 6-9; 62, с. 48-50; 68, с. 179; 69, с. 32-34; 91].

1.2. Ойконимы, образованные от географической апеллятивной лексики

Особый интерес для изучения топонимии любого региона представляет географическая апеллятивная лексика, которая «... является одним из основных резервуаров для топонимиста, занимая промежуточное положение между ономастической в широком смысле этого слова и номинативной (нарицательной) сферами языка» [82, с. 17].

Процесс формирования топонимической лексики на базе апеллятивных наименований географического характера является общеславянским и получил широкую продуктивность еще в древнерусском языке.

Из числа апеллятивной лексики особо выделяем местные географические термины (МГТ), которые стали основой для образования многих белгородских ойконимов. «Географическая связь между топонимами и местными географическими терминами очевидна. Именно последние лежат в основе многих топонимов и определяют их семантическую сущность» [50, с. 28].

Подчеркнем, что универсальные семантические процессы в сфере славянской географической терминологии вскрыты и детально описаны Н.И. Толстым в работе «Славянская географическая терминология» [82]. Региональная местная географическая терминология южновеликорусских говоров представляет богатый и интересный материал и продолжает привлекать внимание исследователей [23, 94 и др.].

Ойконимы, связанные с МГТ, являются чаще всего результатом онимизации апеллятивов общенародного языка (*п. Полянка, х. Степь, х. Кусты*) или представляют собой факты местной диалектной лексики (*х. Лугань, х. Мочаки, с. Плата, п. Раздол*). Многие из этих областных слов были первоначально известны лишь южнорусской диалектной среде или представляли собою слова широкого диалектного ареала, распространенные и в южнорусских говорах.

Местные географические апеллятивы, бытующие в белгородских говорах, – это разнообразные лексемы, семантически точно и тонко отражающие природное своеобразие нашего края.

Это позволяет распределить исследуемый ойконимический материал по тематическим группам:

- 1) общегеографические названия;
- 2) названия, образованные от гидрографических терминов;
- 3) названия, отражающие особенности рельефа местности;
- 4) названия, отражающие специфику почвенного покрова и грунта.

1.2.1. Общегеографические названия

К общегеографическим названиям мы относим такие ойконимы, которые характеризуют особенности географического или топографического положения данного населенного пункта, его расположенность на местности относительно каких-то смежных объектов. Такие ойконимы являются названиями-ориентирами и помогают воссоздать прежние естественные ландшафты местности. В ориентирующей топонимике различают названия по местным признакам, которые характеризуют географические объекты по высотному и пространственному положению, по течению реки, по размерам и очертаниям, по времени появления и т. п. Обычно подобные ойконимы возникают в результате переименования по близлежащему объекту.

В нашем материале все общегеографические названия можно классифицировать по нескольким признакам:

– **названия-ориентиры**, отражающие местоположение населенного пункта относительно какого-нибудь значимого объекта физической географии. При образовании ойконимов этой группы в роли образующих выступают апеллятивные лексемы *берег, гора, лес, поле, река, яр, яруга*:

х. Береговой Ивн.; *с. Горовое* Кргв.; *п. Нагорье* Ров.; *с. Зареченка* Губк.; *х. Заяровка* Волок.; *с. Подъяруги* Прох.;

– **названия, отражающие отличительные черты селения или смежного объекта:**

а) **очертания** – *х. Кривой* Короч., *х. Кругленькое* Короч., *с. Круглое* Борис. (возможен перенос названия со смежного объекта), *х. Плоский* Губк., *х. Плоское* Волок.;

б) **размер** – с. *Большое* Прох., с. *Короткое* Короч., х. *Малый* Черн., х. *Широкий* Прох., с. *Широкое* Ал.;

в) **высоту** – х. *Высокий* Кргв., с. *Высокое* Як., х. *Средний* Ров. (хотя это название можно связать и с другими характеристиками объекта);

г) **время возникновения** – с. *Новенькое* Ивн., с. *Новое* Волок., п. *Новый* Волок., х. *Старый* Волок., с. *Новохуторное* Кргв., с. *Староселье* Рацит.;

- **ойконимы, образованные от слов, отражающих топографические особенности местности или поселения:** с. *Заломное* Ал. от лексемы *залом* «поворот реки, дороги» [Даль, 1, с. 596]; х. *Зеленый Клин* Волок. от *клин* «часть земли, вдавшаяся куда-либо языком или узкою полосой» [Даль, 2, с. 119]; х. *Крестов* Як., х. *Крестовое* Белг. от лексемы *кресты* «развилка дороги» [7, с. 98]; с. *Крюк* НовОск. от лексемы *крюк* «заворот дороги» [Даль, 2, с. 207]; с. *Огибное* Черн. от *огиб* «лука, окраина» [7, с. 99]; х. *Развильный* Носк.; с. *Сагайдачное* Прох. от слова *сагайдачный* «окольный» [7, с. 97]; с. *Пристен* Шеб. от южнодиалектной лексемы *пристен* «крутой, обрывистый берег реки» [Даль, 3, с. 448] – ср. селение *Пристен* в Курской обл.; х. *Шлях* Короч., х. *Шляховое* Черн. от лексемы *шлях* «тракт, дорога, путь» [Даль, 4, с. 640]. З.В. Рубцова отмечает, что в Подонье топонимизированная лексема *шлях* «... встречается в названиях хуторов, находящихся у крупных дорог – х. *Шляховской* на известном *Царицыном шляху*» [72, с. 240]; в Беларуси зафиксированы названия самих дорог – *Великий Шлях* и *Екатерининский Шлях* [70, с. 95];

- **названия, отражающие местоположение селения относительно сторон света** – п. *Северный* Белг.; в нашем материале отмечено только одно подобное наименование, причем позднее по образованию.

1.2.2. Названия, образованные от гидрографических терминов

В нашей области разнообразны ойконимы, связанные с терминами, обозначающими различного рода водоемы и их части. В качестве назывных единиц здесь выступают такие гидрографические

термины, как *бродок*, *гирло*, *ерик*, *желобок*, *ключи*, *лучка*, *озеро*, *плесо*, *пруд*, *родник*, *студенец*, *хомутина*. По замечаниям В.И. Дьяковой [24, с. 68], такие же гидрографические апеллятивы зафиксированы и в Воронежской области.

В исследуемом материале названия гидрографических объектов перенесены в наименования некоторых населенных пунктов: *с. Бродок* Белг., *х. Меловой Брод* Губк. (в восточнославянской топонимии название *Броды* было зафиксировано еще в конце XI в. [71, с. 16]); *х. Гирлы* Ров. от лексемы *гирло* «одно из речных устьев» [Даль, I, с. 351]; *с. Ерик* Як. от лексемы *ерик* «старица, часть покинутого русла реки, куда по весне заливается вода» [Даль, I, с. 521]; *х. Желобок* Шеб. от *желобовина* «речное русло, впадина в виде русла» [Даль, I, с. 530]; *х. Ключи* НовОск., *х. Ключевой* Шеб. (в Беларуси представлен апеллятив *ключи* в значении «криница»); *с. Лучка* Вал., *с. Лучки* Ивн. от *лука* «заворот реки, дуга» [Даль, 2, с. 272]; *с. Озерки* Стоск., *х. Озерный* Ров.; *х. Плесо* Вейд. от лексемы *плесо* «одно колено реки, меж двух изгибов» [Даль, 3, с. 124]; *х. Погромец* Носк. (название водотока по специфике издаваемого звука); *с. Прудки* Кргв.; *х. Родники* Вейд.; *с. Студенок* Ивн., *п. Студенской* Ивн. от лексемы *студенец* «ключ из земли, родник» [Даль, 4, с. 37]; по всей территории Украины широко распространена опорная лексема *студен-* в значении «колодезь», в Сумской и Харьковской областях 19 ойконимов образовано от этой апеллятивной основы: *Студеница*, *Студенок*, *Студинка* и др.; *с. Хомутцы* Ивн. от топонимического термина *хомутина* «изгиб реки» [71, с. 59].

Отметим, что в данную группу включаем названия *х. Копанец* Ал. и *с. Копанки* Ров., так как в синхронном плане суффиксы роли топоформантов в этих ойконимах не играют. Можно рассматривать данные ойконимы как производные от южнорусского диалектного слова *копань* «мелкий колодец без сруба, яма с водою» [Даль, 2, с. 158]. В Воронежской области апеллятив *копань* зафиксирован в значении «яма, вырытая специально для чего-либо» [25, с. 67]. Подчеркнем, что в Беларуси [70, с. 52] значение топонима *Копань* соотносится со значением лексемы *копань* «карьер, яма, выкопан-

ный ров», отмеченным Э.М. Мурзаевым в Словаре народных географических терминов [52, с. 289].

К числу ойконимов, образованных от гидрографических терминов, относим составные названия с лексемами *колодезь/колодец*: *сс. Белый Колодезь* (3) в разных районах, *с. Белый Колодец* Короч., *х. Жилин Колодезь* Губк., *с. Неведомый Колодезь* Як, *с. Теплый Колодезь* Губк., *с. Студеный Колодец* Ал., *х. Холодный Колодец* Губк. На Руси в XVI-XVII вв. колодезями называли небольшие речки, ручьи и родники. В системе Дона на территории Липецкой и Воронежской областей имеется свыше пятнадцати притоков с названием *Колодезь*, причем часто у этих гидронимов впереди имеется какое-либо определение [69, с. 42]. В нашем материале такие определения разнообразны: *белый* могло означать «свободный», вероятно, исток в какие-то времена находился на никем не занятой земле [69, с.42]; *теплый, студеный, холодный* – по качеству воды; *Жилин* – патронимическое определение; *неведомый*, то есть неизвестный.

Слово *колодезь* считают древним заимствованием из германских языков [87, т. 2, с. 253], *колодец* – славянский вариант этого слова.

Украинский эквивалент лексемы *колодезь* – слово *криница*, от которого в Белгородской области образованы ойконимы *х. Криничный* НовОск. и *хх. Криничное* (2) Волок., Ракит., что объясняется присутствием украинского населения в нашем крае. Подчеркнем, что от термина *криница* на Украине образовано более 60 различных ойконимов: *с. Криничка, с. Криница* и др.

1.2.3. Названия, отражающие рельеф местности

Специфика рельефа Белгородчины – одна из причин многообразия состава местных географических апеллятивов. В пределах области частое чередование повышенных и пониженных участков земной поверхности создает большое разнообразие местного рельефа, основными формами которого являются водоразделы и между-речное плато, речные долины, террасы и поймы, балки и овраги. Основной ландшафтный фон территории края создают балки, которые местное население называет часто логами, суходолами и верхами.

Наш материал, связанный с названием рельефа местности, можно классифицировать по нескольким тематическим группам, как это делается в ряде работ [8, с. 27; 23, с. 6-7]:

- названия, связанные с обозначением возвышенностей (положительного рельефа);
- названия, связанные с обозначением низменностей (отрицательного рельефа);
- названия, связанные с обозначением равнин (нейтрального рельефа).

Неровный характер местности обуславливает наличие в местных говорах ряда слов для обозначения разного рода естественных возвышенностей: *бугор, горка, кучугур/кочегур* «песчаные холмы, бугры» [Даль, 2, с. 181]. Данные лексемы лежат в основе образования ойконимов: *х. Бугровка* Прох., *п. Осенний Бугор* НовОск., *с. х. Горки* (2) Ал., Ивн., *х. Пригорки* Прох., *х. Горянка* Борис., *с. Горовое* Кргв., *х. Золотая Горка* Вал., *с. Кочегуры* Черн., *хх. Кучугуры* (2) Вал., Ров. Сюда же относятся названия с базовым элементом *вал*, который используется для обозначений искусственных возвышений: *с. Завалищено* Черн., *п. Завалье* Кргв., *с. Завальское* Кргв. Эти ойконимы хранят исторические страницы жизни нашего края сер. XVII в., так как связаны с остатками старинного военного оборонительного укрепления – вала, именуемого Белгородской чертой.

Наибольшими топонимообразовательными возможностями обладает группа МГТ, которые обозначают формы отрицательного рельефа местности: *байрак, балка, верх/вершина, ендова/ендовина, рог/изрог/отрог, кругляк, липяг, лог, падина, плота, ров, яр/ярок/яруга, яма*. Данные апеллятивы используются при назывании оврагов и различного рода впадин; в своем большинстве это древние по происхождению слова, как с общеславянскими корнями, так и с заимствованными из других языков.

Так, тюркский по происхождению термин *байрак* «сухой овраг, балка» [Даль, 1, с. 137] широко употребителен в Подонье и на Украине [72, с. 233-235], в Белгородской области параллельно с ним образован ойконим *х. Байрак* Борис. В Воронежской области отмечен фонетический вариант этого апеллятива – *боярак* [24, с. 69].

Термин *балка* «длинный и широкий природный овраг» [Даль, 1, с. 43.] лег в основу образования ойконимов: *х. Балки* Шеб., *х. Короткая Балка* Короч., *с. Кривые Балки* Прох.

Названия *хх. Вершина* (2) Борис., Прох. и *х. Попов Верх* Губк. соотносятся с апеллятивом *верх/вершина*, который в южновеликорусских говорах выступает в значении «балка, овраг» [24, с. 67].

Термин *ендова/ендовина* «овраг круглой формы» [25, с.65] является базовым для ойконимов *х. Ендовино* Носк., *х. Ендовицкий* Кргв. В древнерусском языке слово *ендова* обозначало большой сосуд для питья, винную чашу продолговатой формы. Метафорические переносы значений из других тематических групп в МГТ отмечают многие исследователи [23, с. 11; 80, с. 97-98].

Апеллятивы *рог/изрог/отрог* в местных говорах выступают как дифференцирующие названия при указании на различные особенности оврагов: *рог* «долгий овраг, отрог балки, поросший кустарником» [Даль, 4, с. 99], *изрог* «боковой овраг, ответвилка от оврага» [25, с. 65], *отрог* «боковой овраг, ответвление от оврага» [27, с. 47]. С этими терминами в Белгородской области связаны ойконимы: *с. Роговатое* СтОск., *х. Роговой* Як., *с. Новый Изрог* Вал., *х. Отрог* Белг. Название *х. Кругляк* Волок. соотносится с апеллятивом *кругляк* «овраг круглой формы» [24, с. 68], что также соответствует стремлению местных жителей при назывании оврагов выдвигать на первый план какие-либо дифференцирующие признаки.

Для ойконимов *х. Липяги* СтОск., *с. Большие Липяги* Вейд. базовым является апеллятив *липяг*, значение которого толкуется по-разному: «лесок на возвышенности» [29, с. 93] или «овраг с лесом» [27, с. 49]. Во втором значении термин *липяг* отмечен в современных воронежских говорах как локализм и считается древним по происхождению [24, с. 69]. Укажем, что в Подонье используется фонетический вариант этого апеллятива – *лепега*, который выступает здесь «видовым термином по отношению к родовому термину яр» [72, с. 233].

При назывании форм отрицательного рельефа в нашем крае широко используется апеллятив *лог* «балка, широкий овраг» [Даль, 2, с. 262], характерный как для литературного языка, так и для русских говоров. Этот термин участвует в образовании целого

ряда белгородских ойконимов: *с. Крутой Лог* Шеб., *х. Липовый Лог* НовОск., *х. Мокрый Лог* Вал., *х. Рубежный Лог* Черн., *х. Сенной Лог* Черн., *п. Сухой Лог* Ракит. Отметим, что в соседней Курской области имеется населенный пункт *Воронов Лог*.

Для обозначения различного рода впадин в Белгородской области используется и апеллатив *падина* «глубокий и круглый лог, овраг, балка» [Даль, 3, с. 71], получивший распространение в южно-русских говорах [24, с. 67]. Данный термин является базовым для ойконимов *х. Падина* Губк. и *х. Тихая Падина* Прох.

Отметим ряд ойконимов, соотносимых с термином *ров* «овраг, водороина, водомоина» [Даль, 4, с. 98]: *с. Ровенек* Белг., *сс. Ровеньки* (2) Ров., *п. Ровное* Вал. Имеем в виду, что возможно сопоставление данных названий и с основой прилагательного *ровный*, но опрос информантов показывает, что в нашей области селений на абсолютно ровной местности с таким наименованием нет. Поэтому вероятнее видеть в этом ряду ойконимов выражение значения отрицательного (то есть далеко не ровного) рельефа. Подчеркнем, что в Беларуси отмечен топоним *Гецов Ров* [70, с. 86], семантика которого соотносится со значением термина *ров* «овраг; канава; русло, промытое временным током воды», приводимым Э.М. Мурзаевым в Словаре народных географических терминов [52, с. 482].

К названиям, связанным с обозначением отрицательного рельефа, относятся также наименования населенных пунктов: *х. Ярки* Як., *с. Ярское* НовОск., *х. Яружный* Як., *хх. Большая Яруга* (2) НовОск., *п. Долгая Яруга* Черн., *х. Проезжая Яруга* НовОск. В этих ойконимах в качестве базового элемента выступает апеллатив *яр/яруга*, известный в курско-орловских говорах в значении «овраг» [93, с. 535]. Ф.П. Филин [93, с. 535] считает, что этот термин можно отнести к ранним заимствованиям из тюркских языков. Подчеркнем, что на украинско-белорусской территории вместо общелитературного слова *овраг* употребляются апеллативы *яр, яруга, ров, балка*, что характерно и для нашего материала. Причем противопоставление лексем *овраг – яр, яруга*, как отмечает Ф.П. Филин, существовало уже в XI-XII вв.

В формировании однокоренных ойконимов *с.,х. Плата* (2) Прох., СтОск., *с. Платовец* Короч., *х. Плотва* Волок., *х. Плотвянка* Вал, *х. Плотовка* Вал. сыграл роль апеллятив *плата* «лог или балка, раздол» [Даль, 3, с. 128]. Для современного сознания жителей края основа *плата* десемантизирована, поэтому аффиксальные названия этого ряда едва ли воспринимаются в связи со словом *плата*. Исследователи указывают на распространение этого географического термина как в Черноземном Центре, так и за его пределами. А.И. Яценко находит множество подобных топонимов в Посейме: *Плата Гниловская, Сухая, Мокрая, Полевая Плата, Платава, Платовец* и др. [101, с. 78]. В.И. Дьякова в местной топонимии Воронежского края отмечает географические имена сел *Сухая Плата, Мокрая Плата, Платава* [24, с. 68]. Г.П. Смолицкая фиксирует этот термин в гидронимии Поочья: *река Плата, верх Панковская Плата, верх Двеплата, верх Ржавая Плата, река Плотинка* [78, с. 63]. По словам О.Н. Трубачева, «внимательное рассмотрение ономастического случая привело к выявлению потенциального праславянского диалектизма *plota» [84, с. 9].

Отрицательный рельеф местности получил отражение и в ойконимах *с. Ямное* Як. и *хх. Ямки* (4) Кргв., НовОск., Прох., Ров., которые соотносятся с апеллятивной лексемой *яма* «провал, выбоина, всякое углубление» [Даль, 4, с. 677].

Местные термины, определяющие низинный рельеф местности, отразились в ойконимах, производных от апеллятива *дол* «низменность, долина, раздол» [Даль, 1, с. 463] и диалектной лексемы *подол* «низменность, ровное низкое место у подножия горы, холма, возвышенности» [77, с. 14]: *п. Раздол* Ракит., *х. Раздолье* Кргв., *с. Васильдол* НовОск., *х. Красная Долина* (2) Вал., НовОск., *п. Новая Долина* Волок., *х. Подоловский* Ракит., *с. Гора-Подол* Борис. (ср. *г. Подольск* Московской обл., который первоначально назывался *Подол* [77, с. 14]).

С обозначением низин в Белгородской области связана и диалектная лексема *лугань* «низинные заливные берега рек» [Даль, 2, с. 271], от которой образован ряд ойконимов: *с. Луганка* СтОск., *х. Лугань* Короч., *с. Луги* СтОск., *с. Луговка* Борис.

Равнинный характер местного ландшафта обозначен в ойконимах, которые связаны с географическими терминами *степь*, *поле*, *поляна*: **хх. Степь** (2) Губк., Ивн., **пп. Степное** (2) Губк., Ракит., **х. Степной** Ал., **х. Сцепное** Короч. – фонетический вариант, где отмечается появление аффрикаты [ц] на месте переднеязычного согласного звука [т], что характерно для Курско-Орловской группы южного наречия; **с. Заполье** Ал., **п. Полевой** НовОск, **с.Борисполье** Ракит., **х. Васильполье** НовОск., **п. Доброполье** Борис.; **п. Поляна** Шеб., **х. Полянское** Короч., **с. Долгая Поляна** СтОск., **с. Зеленая Поляна** Белг., **сс. Красная Поляна** (3) в разных районах, **хх. Ясная Поляна** (2) Прох.

1.2.4. Названия, отражающие специфику почвенного покрова и грунта

В белгородской ойконимии отмечен ряд названий, которые связаны с географическими терминами, отражающими характер почвенного покрова и грунта нашего края.

Так, ойконимы **с. Глинное** НовОск., **с. Старая Глинка** Як., **с. Новая Глинка** Як. образованы от лексемы *глина*, что объясняется некоторым распространением в Белгородской области глинистых почв. В этот же ряд включаем название **х. Сухменка** Губк., образованное от апеллятива *сухмень* «сухая глина, плохая почва» [Даль, 4, с. 367].

Белгородчина весьма богата меловыми отложениями, в связи с чем лексема *мел* является базовой для ойконимов **с. Мелавое** Губк. и **с. Меловое** Ракит. (отметим параллельность звуков [о] и [а] в предударной позиции как факты южнорусского аканья).

Названия **х. Песчанка** Вал., **с. Песчаное** Ивн., **с. Большое Песчаное**, **с. Малое Песчаное** Короч., **х. Песковатка** Ал., **с. Песочное** СтОск. образованы от лексемы *песок*, что показывает наличие в крае песчаных почв.

С названием низменных заболоченных мест связаны ойконимы, образованные от следующих МГТ: **х. Гнилица** НовОск. от апеллятива *гнилец* «низкое заболоченное место» [27, с. 48]; **х. Мочаки** Прох., **х. Мочаки-Первые** Прох., **х. Мочаки-Вторые** Прох. от термина *мочак* «потное место на земле, твердое болотце» [Даль, 2, с. 353];

х. Ржавец Ракит. от термина *ржавец* «ржавое болото»; в этом же значении выступает апеллятив *рудка*, являющийся базовым для названия *х. Лозовая Рудка* Борис.; *х. Солонцы* Ров., *с. Солонец-Поляна* НовОск. – от термина *солонец* «солоненое озеро или пропитанная солью земля» [Даль, 4, с. 268]; *с. Солоти* Вал. от апеллятива *солоть* «вязкое жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото...» [Даль, 4, с. 267]. Подчеркнем, что апеллятивы *гнилец*, *мочаг*, *ржавец*, *солонец* отмечены и в Воронежской области [24, с. 68]; при этом термины *ржавец* и *рудка* получили широкое распространение и на Украине.

К названной тематической группе считаем возможным отнести название *с. Грузское* Ров., образованное, вероятно, от восточнославянского термина *грузский* «вязкий, топкий» [7, с. 99]. Укажем, что топоним *Грузкое* с тем же значением зафиксирован в Беларуси [70, с. 91].

Особое внимание обращаем на название *с. Саловка* Вейд., базовым для которого можно считать восточнославянский апеллятив *сало* «стоячая на болоте вода» [7, с. 100]. В Беларуси при назывании заболоченных мест используется топоним *Сальник* [см. 70, с. 69], который явно семантически перекликается с белгородским ойконимом *Саловка*.

Своеобразное отражение специфики почвенного покрова и грунта нашего края видим и в ойконимах *с. Грязное* Прох. и *с. Иловка* Ал. Первое название свидетельствует о том, что селение расположено на черноземных почвах, которые при определенных погодных условиях превращаются в грязь; значение общей корневой морфемы для ойконима *Грязное* и лексемы *грязь* здесь выделяется вполне четко.

Таким образом, характеризуя ойконимический материал, семантически связанный с географической апеллятивной лексикой, мы пришли к некоторым выводам.

1. В ойконимии Белгородской области названия, образованные от географических терминов, насчитывают примерно 285 наименований, что составляет почти 17 % от всех ойконимов, и всегда отражают местные природно-географические условия.

2. С точки зрения происхождения в исследовании четко определилась базовая апеллятивная лексика следующих генетических корней: общеславянская, общевосточнославянская и общерусская.

3. В общеславянский язык уходят своими корнями некоторые гидрографические термины: *река, озеро, лука, плесо*; термины со значением рельефа и ландшафта: *гора, лог, поле*.

4. Общевосточнославянская лексика объединяет изучаемую зону со смежными: украинской – *рудка, криница*; южновеликорусской – *верх, вершина, ендова, падина, пристень*; различными диалектами других территорий – *ерик, липяг, караич, колок, копанец, кучугур, стенка*.

5. Общерусскими являются слова, служащие для обозначения природных объектов: *бродок, дол, ключ, колодец, ржавец, плота, ручей, степь*.

6. В пределах всех выделенных тематических групп слова, квалифицируемые как общерусские/восточнославянские, составляют большинство, что может свидетельствовать о достаточно древнем славянском заселении нашего края.

1.3. Ойконимы-фитонимы

В белгородской ойконимии широко представлены образующие лексемы из флоры, обозначающие типичные для средней полосы названия деревьев и кустарников. «Для пятнадцати деревьев, растущих во всех славянских землях, в том числе и в землях восточных славян, славяне имеют исконные общеславянские названия (**berza* «береза», **dobъ* «дуб», **jasenъ* «ясень», **lipa* «липа», **vъrba* «верба» и др.)» [92, с. 144].

В наименованиях населенных пунктов Белгородчины встречается более десяти названий разновидностей деревьев; среди них наиболее продуктивны исходные лексемы *дуб, береза, ольха, ясень, липа*.

По данным Э.М. Мурзаева [51, с. 149], наша область входит в число 12 южных областей Русской равнины (наряду с Калужской, Орловской, Курской, Воронежской и др.), в которых из топонимов,

связанных с названиями 11 древесных пород, абсолютно господствуют образования с корнем *дуб-*. Эти сведения соответствуют прежнему и современному распространению дуба в Белгородском крае.

В нашем материале зафиксировано 19 ойконимов с базовой лексемой *дуб*:

– моноксемные наименования: *х. Дубравка* Губк., *х. Дуброва* Як., *х. Дубровка* Вал., *х. Дубровки* Вал., *п. Дубовое* Белг., *х. Дубовый* Прох., *п. Дубинское* Ракит., *п. Дубки* Кргв., *х. Дубины* Як.;

– сложные наименования: *х. Верходуб* Вейд., *хх. Редкодуб* (4) в разных районах, *с. Стародубовое* НовОск.;

– составные названия: *с. Вислая Дубрава* Губк., *х. Зеленая Дубрава* Короч., *х. Красная Дубрава* Ивн., *х. Старый Редкодуб* Ал.

Представленные ойконимы свидетельствуют о широком распространении в прошлом дубовых массивов в нашем крае, хотя ныне в этих селениях, может быть, уцелели только небольшие участки дубрав или отдельные дубы.

Исходная лексема *береза* также является одной из продуктивных при образовании белгородских ойконимов-фитонимов. Восточнославянское слово *береза* «принадлежит к одному из древнейших слов, являясь чуть ли не единственным названием дерева, имеющим общеиндоевропейское происхождение» [93, с. 548]. Эта лексема отражена в 9 наименованиях населенных пунктов Белгородчины: *х. Березник* Прох., *хх. Березки* (2) Ал., Носк.; *с. Верхнеберезово* Шеб., *с. Новая Березовка* Ракит., *с. Русская Березовка* Ракит., *х. Нижнее Березово-Первое* Шеб., *х. Нижнее Березово-Второе* Шеб., *х. Березняги-Первые* Ал., *х. Березняги-Вторые* Ал.

Лексема *ольха* играет роль базы как в ойконимии края – *с., х. Ольховатка* (5) в разных районах, *х. Ольхов* Волок., *х. Ольховатский* Прох., *с. Ольховка* Як., *с. Нижний Ольшанец* Шеб., *с. Ольшанка-Первая* Губк., *с. Ольшанка-Вторая* Губк., так и в гидронимии – *р. Ольшанка* и *р. Сухой Ольшанец*, от названия которых, в свою очередь, образованы ойконимы – *с. Ольшанка* Черн., *с. Сухая Ольшанка* Черн., *х. Верхняя Ольшанка* Прох., *х. Средняя Ольшанка* Прох., *с. Верхний Ольшанец* Як. Таким образом, исход-

ная лексема *ольха* нашла отражение в 16 названиях населенных пунктов нашей области.

В ойконимии Белгородской области нередки названия по типу близлежащего к селению зеленого массива.

Ряд названий образован от общелитературного апеллятива *лес*: *с. Лески* Прох., *с. Перелесок* Кргв., *х. Перелески* Прох., *х. Пролесок* Вал, *с. Подлисянка* Вал. (с отражением на письме безударной позиции звука [э]), *х. Дальний Лес* Шеб., а также *х. Зеленый Гай* Короч., в составе которого украинская лексема *гай* «лес».

Лес – слово общеславянское, оно фиксируется, например, в украинском – *ліс*, в белорусском – *лес*, в польском – *las*. Первоначально, видимо, слово выступало только в значении «лиственный лес» [51, с. 138]. Леса для многих славянских племен были тем родным ландшафтом, в условиях которого развивалось сельское хозяйство, в частности подсечное земледелие, оголившее в последствии значительные площади южной части лесной и лесостепной зон на Русской равнине.

В исследуемом регионе немногочисленные теперь леса и лесные массивы представлены несколькими разновидностями по преобладающей в них растительности.

Так, например, современные сосновые леса следует характеризовать по месту произрастания: сосновые боры на песках и сосновые боры на мелу. Эта древнейшая разновидность лесоугодий края отражена в ойконимах, образованных от апеллятива *бор* «лес на возвышенном месте» [52, с. 94]: *с. Борки* Вал. (ср. деревня *Борки* в Беларуси), *с. Боровки* НовОск., *с. Боровское* Шеб., *с. Боровое* Носк.

Отметим, что некоторые ойконимы рассматриваемой тематической группы образованы от диалектных апеллятивных лексем: *х. Караешный* Ал., *с. Караичное* Шеб. – по Воронежской области зафиксированы локализмы *караишник* и *караич* в значении «вязовый криворослый лес» [27, с. 49]; *х. Колок* Черн. от апеллятива *колок* «отдельная рощица, лесок» [Даль, 2, с. 140]; *п. Зеленый Остров* Ракит., *п. Красный Остров* Черн. от диалектной лексемы *остров* «небольшая лесная роща в степи, по берегам рек» [69, с. 12]; *х. Стенки* Ров. – по Воронежской области отмечен географический термин *стенка* «лес на склоне» [23, с. 12].

Приведем также ряд ойконимов, образованных от распространенных в употреблении фитонимических лексем: *х. Ясенок* НовОск., *с. Новоясеновка* Ракит., *х. Ясени-Первые* Ров., *х. Ясени-Вторые* Ров. (от лексемы *яшень*); *х. Лицы* Шеб., *х. Липовка* Прох., *х. Липовый Лог* НовОск. (от лексемы *липа*); *с. Вязовое* Ракит., *с. Вязовское* Ракит. (от лексемы *вяз*); *п. Осиновский* Губк., *х. Красные Осинки* Вейд. (от *осина*); *с. Рябиновка* Губк. (от *рябина*).

От названий фруктовых деревьев *яблоня*, *груша*, широко произрастающих в нашем регионе, образованы ойконимы: *с. Яблоново* Короч., *с. Яблочково* Шеб., *с. Грушевка* Волок., *п. Грушевский* Волок., *х. Грушки-Первые* Прох., *х. Грушки-Вторые* Прох., *п. Грушное* НовОск.

В Белгородской области весьма разнообразны кустарниковые заросли, названия которых используются в качестве базы при образовании ряда ойконимов: *х. Черемухово* Ал., *с. Черемушное* Белг., *х. Черемухов-Первый* Ров., *х. Черемухов-Второй* Ров. (от лексемы *черемуха*); *с. Ивица* Короч. и *р. п. Ивня* Ивн. (от лексемы *ива*); *с. Ракитное* Ракит. (от *ракита*); *с. Терновое* Шеб., *с. Терновка* Як. (от *терн*); *с. Лозовое* Белг., *с. Лозное* Черн., при фонетическом варианте *с. Лозная* Ров., *с. Новые Лозы* Як. от лексемы *лоза* «дерево, кустарник некоторых пород ив» [СО, с. 320]; *с. Жимолостное* Прох. от лексемы *жимолость* «кустарниковое или вьющееся растение с душистыми цветками» [СО, с. 189].

Названия населенных пунктов Белгородской области отражают и многообразие травянистого покрова: *х. Хмелевец* Вал., *с. Хмелевое* Ал., *с. Старохмелевое* Короч. (от лексемы *хмель*); *с. Крапивное* Як. (от *крапива*); *с. Таволжанка* НовОск., *с. Новая Таволжанка* Шеб. - названия от лексемы *таволга* «луговое травянистое растение с крупными соцветиями душистых цветков» [СО, с. 775]; *с. Репяховка* Ракит. и *х. Новорепяховский* (отмечаем фонетическое отражение диалектного варианта от слова *репей*). Считаю возможным отнести к этой группе и ойконим *с. Скородное* Губк., так как в областях к югу от Москвы произрастающий здесь дикий чеснок или лук называют местным словом *скорода* (< скоророда) «скоро, раньше всех родящаяся, появляющаяся» [77, с. 26].

От названий болотных трав образованы ойконимы: *с. Камышеватое* Ал., *с. Камышевка* Прох., *с. Камышенка* Ал. (от лексемы *камыш*); *с. Тростенец* НовОск. – по растению *тростнику*, «... заросли которого встречались здесь» [61, с. 208]; *с. Фоцеватое* Короч., *х. Фоцеватый* Кргв. (названия от диалектного варианта лексемы *хвоц*).

Ряд ойконимов-фитонимов связан с названиями огородных и садовых растений: *х. Капусты* Борис.; *х. Репный* Вейд., *с. Репное* Шеб. (от лексемы *репа*); *с. Конопляновка* Вал. (от *конопля*); *с. Толоконное* Белг. – в качестве образующей основы выступает слово *толокно* «мука из поджаренного очищенного овса» [СО, с. 788].

Отметим, что некоторые ойконимы фитонимического происхождения связаны с украинской речью населения нашего края: *с. Гарбузово* Ал., *х. Барвинок* Вал., *х. Пригородние Тополи* Вал., *с. Чернова Дибровка* Шеб., *п. Цибулевка* Ракит., *х. Цигулев* Прох., *х. Цигули* Прох. Три последних названия образованы от украинской лексемы *цибуля* «лук»; чередование согласных звуков [б] и [г], по материалам М.В. Федоровой [91], представляет в этих случаях следы контактов с финно-угорскими языками.

1.4. Ойконимы-зоонимы

О разнообразии животного мира Белгородчины в прошлом и настоящем свидетельствуют наименования некоторых населенных пунктов, связанные с названиями животных, птиц, рыб.

В нашем материале в качестве образующих основ ойконимов зоонимического происхождения используются названия диких животных, таких как *медведь*, *волк*, *заяц*, *барсук*, *бобр*. Эти исходные лексемы участвуют в образовании следующих наименований селений: *х. Медвежье* Черн. (двести-триста лет назад в лесах нашего края водились бурые медведи); *п., х. Зайчик* (2) Ракит., *с. Заячье* Короч. – в одном из документов 1667 года говорится, что это село находилось на «заячьей стешке» [69, с. 94]; *с. Барсучье* Ров., *с. Борсук* НовОск., *х. Борсучий* Ров. (в этих наименованиях отметим параллельность гласных звуков [а] и [о] в предупредительной пози-

ции). С лексемами *бобр*, *волк* связаны как ойконимы, так и гидронимы Белгородской области: *с. Боброво* Прох., *с. Бобровы Дворы*, *с. Бобрава* Ракит, при наличии *р. Бобрава* (бобры водились в реках повсеместно); *хх. Волчий* (2) Вейд., Ров., *Волчья Александровка* Волок., *х. Волчий-Первый* Волок., *х. Волчий-Второй* Волок. при наличии *р. Волчья* (названия даны по водившимся в этих местах волкам).

Названия птиц, живущих в нашем крае, отразились в ойконимах: *х. Журавлиное* Як., *с. Журавка-Первая* Прох., *с. Журавка-Вторая* Прох. (3 наименования от лексемы *журавль*); *х. Орлиное* Волок. (теперь лишь иногда над ковыльными степями можно увидеть степных орлов); *с. Уточка* Кргв. (на заболоченных старицах, среди тростниково-осоковых зарослей в крае обитают различные виды диких уток); *с. Чайка* Белг. (в области обычны речные чайки, которые большими колониями селятся на озерах, степных прудах); *с. Чапельное* Волок. (ойконим образован от лексемы *цапля* с отражением на письме диалектного неразличения аффрикат [ц] и [ч]); *с. Чибисовка* Кргв., *с. Ястребово* Белг. (в лесах встречаются пернатые хищники из семейства ястребовых). Таким образом, в белгородских ойконимах отразились 7 основ из фауны, связанных с названиями диких птиц: *журавль*, *орел*, *утка*, *чайка*, *цапля*, *чибис*, *ястреб*.

В одном случае в образовании ойконима роль базы играет название рыбы: *с. Окунь* Черн. (от лексемы *окунь*).

В целом тематические группы ойконимов, связанные с названиями рек, географической апеллятивной лексикой, лексемами из флоры и фауны, определили те аспекты наименования населенного пункта, которые можно объединить как «объективные» в том смысле, что они присущи топониму в соответствии с природными, географическими и топографическими особенностями местности.

§ 2. Названия населенных пунктов культурно-исторического характера

От ойконимов, восходящих в семантике к естественно-географическим названиям, принципиально отличаются ойконимы

культурно-исторического характера, которые связаны с личными именованиями жителей и владельцев селений, с религиозно-культурной лексикой, с материальной и общественной жизнью человека.

Наш материал позволяет распределить ойконимы культурно-исторического характера по следующим тематическим группам.

2.1. Ойконимы, образованные от антропонимов.

2.2. Ойконимы, образованные от названий церквей или названий религиозных праздников.

2.3. Ойконимы, связанные с историей заселения края и служебной деятельностью населения.

2.4. Ойконимы, отражающие особенности хозяйственной деятельности населения края или черты быта.

2.5. Ойконимы, топоосновы которых отражают типы селений и виды построек.

2.6. Социальные и этнические наименования.

2.7. Названия с абстрактно-идеологическим значением.

2.8. Перенесенные названия.

2.1. Ойконимы, образованные от антропонимов

Антропонимы и топонимы, являясь основными разрядами собственных имен, тесно взаимосвязаны. Антропонимы и в прошлом, и в настоящее время служили и служат базой для образования географических имен.

Названия населенных пунктов антропонимического происхождения широко представлены в любом регионе [см., например: 41, с. 23-24; 48, с. 35-36, 47-48 и др. работы]. Ойконимия Белгородской области в этом плане не составляет исключения.

Антропонимическую основу имеет значительная часть белгородских ойконимов. Во многих названиях населенных пунктов образующей базой являются личные неканонические и канонические имена, прозвища и фамилии первопоселенцев, основателей или владельцев селений.

В белгородской ойконимии, связанной с антропонимическими базами разных типов, можно выделить такие подгруппы:

- 1) ойконимы, образованные от архаических именных основ;
- 2) ойконимы, восходящие к древнерусским неканоническим именам и прозвищам;
- 3) ойконимы, образованные от канонических личных имен.

2.1.1. Ойконимы, образованные от архаических именных основ

В основе 4 белгородских ойконимов лежит архаическая именная база – древнее славянское имя: *с. Белозорово* Ал. (от имени *Белозор*), *с. Ладомировка* Ров. (от имени *Ладомир*), *с. Святославка* Ракит. (от имени *Святослав*), *с. Яропольцы* Вейд. (от имени *Ярополк*).

Важно отметить, что подобные двуосновные древние русские имена церковь не признавала, заклеив их как языческие, но вплоть до XVII в. сохранялась тенденция именовать детей по обычаю, то есть по-русски. Поэтому следует предполагать, что ойконимы, образованные от архаических именных основ, появились еще в начальный период заселения нашего края, то есть до XVII в.

2.1.2. Ойконимы, восходящие к древнерусским неканоническим именам и прозвищам

В истории русской антропонимии прозвища тесно переплетаются с некалендарными или мирскими (т.е. славянскими дохристианскими) именами, поэтому в большинстве случаев трудно определить, к неканоническому имени или прозвищу восходит тот или иной ойконим.

Несомненно, что многие из подобных топонимов прошли сложный путь от апеллятива к неканоническому имени, прозвищу, прозвищу или прозвищной фамилии и на какой-то из этих стадий преобразовались в ойконим, используя определенные средства языка. Установить движение каждой лексемы на этом сложном пути практически невозможно, так как не документировано возникновение каждого населенного пункта и его названия. Поэтому считаем целесообразным говорить об антропонимических лексемах,

зафиксированных в литературе и находящихся подтверждение в исследуемом ойконимическом материале.

Отметим, что многие неканонические имена и прозвищные основы лежат в основе русских фамилий, от которых, в свою очередь, образована значительная часть белгородских ойконимов. Неслучайно В.А. Никонов предупреждает, что в большинстве случаев «нет видимых признаков, которые позволили бы различать, где имеем дело с фамилией, а где с прозвищем» [59, с. 214].

В связи с этим в нашем ойконимическом материале также не всегда легко можно различить отфамильные ойконимы и ойконимы, образованные непосредственно от прозвищ. В тех случаях, где краеведческие изыскания указывают на фамилию жителя или владельца селения, мы с большей степенью достоверности квалифицируем такой ойконим как отфамильное образование.

В целом же неканонические имена и прозвищные основы, отраженные в ойконимии края, в силу своей смысловой наполненности семантически весьма разнообразны, так как во многом связаны с обычными явлениями повседневной жизни русичей, их древними верованиями, традициями рода или племени.

Все это позволяет распределить исследуемый ойконимический материал в зависимости от семантики производящей именной основы наименования населенного пункта. Отметим, что по характеру производящей основы зафиксированные в области ойконимии имена делятся примерно на те же группы, которые представлены в работе А.М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» [76].

В образовании ойконимов Белгородчины особую продуктивность проявили основы неканонических имен/прозвищ следующих тематических групп.

1. Названия, в которых отразились обстоятельства появления нового члена семьи: *х. Жданов* Як. от древнерусского имени *Ждан* [ОВ, с. 111]; *х. Малютин* Шеб. от имени *Малюта, Малый* [ОВ, с. 192]; *сс. Нехотеевка* (3) Белг., НовОск., Прох. от *Нехотей* (вероятно, родители не хотели рождения этого ребенка); *х. Осьмаков* Ал. от древнерусского числового имени *Осьмак, Осьмой* (веро-

ятно, так был назван восьмой ребенок в семье); *с. Отрадовка* Ракит., *п. Отрадовский* Ракит. от имени *Отрада* (рождение ребенка с таким именем принесло в семью радость); *с. Середа* Шеб. от имени *Середа* (или рожденный в среду, или средний ребенок в семье).

2. **Названия по внешнему виду человека:** *х. Бородин* Черн. от неканонического имени *Борода*; *х. Горбунов* Кргв. от лексем *горбун*; *х. Косухин* Короч. от имени *Косуха*; *с. Красавка* Волок. от древнерусского имени *Краса* [ОВ, с. 163]; *п., х. Некрасовка* (2) Черн., НовОск. от имени *Некрас* «некрасивый» [59, с. 81].

3. **Названия, в которых отражаются родственные отношения или степень родства:** *с. Бабанинка* СтОск., *х. Бабанино* Черн. от термина родства *бабка*, *бабаня*, когда притяжательное прилагательное *бабанин* закрепилось за воспитанником бабушки или ее любимцем и стало прозвищем [59, с. 13]; *с. Незнамово* СтОск., *п. Незнамовский* СтОск. от древнерусского имени *Незнам* (вероятно тот, кто не знал своих родителей); *х. Сиротин* Шеб. от имени *Сирота* (семантика производящей базы ясна).

4. **Названия, в которых отражаются внутренние качества, свойства характера и склонности человека:** *с. Бессоновка* Шеб. от древнерусского имени *Бессон* «беспокойный» [81, с. 43]; *х. Добрино* Ракит.; *хх. Жилин* НовОск., Прох. от прозвища *Жила* «жадный» [35, с. 93]; *х. Лихолобов* Ров.; *с. Меняйлово* Ал. от прозвища *Меняйло*, связанного с глаголом *менять* [86, с. 131]; *х. Несмеяны* Борис. от дохристианского личного имени *Несмеян/Несмеяна* [ОВ, с. 220]; *с. Остроухово* Кргв. (вероятно, от прозвища *Острое Ухо*); *с. Прокудино* СтОск. от диалектного прозвища *прокуда* «проказник, изворотливый, предприимчивый» [59, с. 97]; *х. Простаков* Вейд.; *с. Пуляевка* Белг. от имени *Пуляй* [86, с. 131]; *х. Смирнов* Ракит. от прозвищного именованья *Смирный*; *с. Сухарево* Вал. от прозвищного прозвания *Сухарь* «сухой, черствый человек»; *с. Тюрино* Шеб. от просторечного прозвища *Тюря* «размазня, т. е. вялый, безвольный, никчемный человек» [59, с. 142]; *с. Хитрово* Черн. от лексем *хитрый*; *с. Хорошилово* СтОск. от лексем *хороший*; *п. Шабалино* Ракит. от южнорусского прозвища *Шабала* «болтун» [59, с. 163].

5. Названия по роду деятельности или профессии: **хх. Бондарев** (4) в разных районах, **с. Бочаровка** СтОск. от *бондарь, бочар* [86, с. 97, 98]; **с. Бубликово** Ал. (тот, кто изготовлял бублики); **с. Воротниково** СтОск. от лексемы *воротник* «вратник, привратник, сторож у ворот» [Даль, 1, с.245]; **х. Гончаровка** Ал. от лексемы *гончар*; **х. Дудчин** от древнерусского имени *Дуда* [ОБ, с. 103]; **п. Калашиников** Ров. от лексемы *калач*, т.е. «тот, кто печет калачи» [86, с. 94]; **с. Коновалово** Волок. от «*ветеринар*» < конь + валять [86, с. 102]; **х. Коржов** Шеб. от лексемы *корж* (т.е. тот, кто печет коржи); **х. Кравцов** Кргв. от «*портной*» < кроить [86, с. 99]; **х. Кузнецовка** Вал. от лексемы *кузнец*; **х. Кучеров** Белг. от лексемы *кучер*; **сс. Масловка** (2) в разных районах, **с. Маслова Пристань** Шеб. от «торговец сливочным или растительным маслом» [86, с. 95]; **с. Овчаровка** СтОск. от «*пастух*» < овца [86, с. 98]; **с. Пирогово** Ал. от лексемы *пирог* (т.е. тот, кто печет пироги); **х. Рындишка** Прох. от древнерусской лексемы *рында* «телохранитель, оруженосец» [86, с. 100]; **п. Синельников** Ров. от «красильщик, специалист по окраске в синий цвет» [86, с. 96]; **х. Стрельников** Як. от *стрелок, стрелец* [86, с. 99]; **х. Шапошников** Ал. от «мастер по шапкам» [86, с. 94]; **х. Шубинка** НовОск. от лексемы *шуба* (т.е. тот, кто шьет шубы).

6. Названия по имущественному положению: **х. Голиков** Вейд., **х. Голевка** Короч., **х. Лаптиева** Вейд., **с. Лаптевка** Ракит. – эти наименования связаны с прозваниями людей неимущих слоев общества; **х. Царьков** Прох. (вероятно, здесь жили зажиточные хозяева).

7. Названия, в основе которых лежит лексика фауны: **х. Быков** Вал., **с. Быковка** Як., **х. Бычково** Ал.; **х. Волков** Ал., **сс. Волково** (2) Черн., Шеб.; **с. Воробьево** А.; **х. Грачев** Вейд., **с. Грачевка** Носк.; **х. Гусев** Волок.; **сс. Жуково** (2) Ал., Стоск., **с. Коньшино** Губк.; **сс. Коровино** (3) в разных районах; **с. Комаревцево** Як.; **х. Котов** Шеб., **с. Котово** Стоск.; **х. Мухин** Шеб., **хх. Орлов** (3) в разных районах, **сс. Орловка** (2) Белг., Ивн.; **с. Соболевка** Вал.; **х. Соловьев** Шеб., **с. Соловьевка** Белг.; **х. Сомов** Белг., **с. Сурково** Шеб.; **х. Тараканов** Прох.; **с. Тетеревино** Прох.; **х. Хорьков** Ракит.

Подобные имена и прозвища, от которых образованы перечисленные ойконимы, давались обычно человеку по какому-либо сходству с животными или насекомыми.

Назовем здесь и ойконимы *с., х. Голубино* НовОск., Короч., *п. Голубинский* Ал., восходящие к женскому дохристианскому имени *Голуба*. Личные имена, означавшие птиц, бытовали у древних славян, и в их числе, надо полагать, имя *Голубь* и женское *Голуба*.

В целом в ойконимической системе исследуемой территории зафиксировано примерно 400 названий населенных пунктов, образованных от неканонических именных или прозвищных баз, что составляет почти 25 % от всех наименований.

2.1.3. Ойконимы, образованные от канонических личных имен

Образования от основ канонических имен более поздние, сравнительно с образованиями, восходящими к неканоническим названиям. О широком распространении географических названий с христианскими именами в основе можно говорить лишь с XVI-XVII вв.

Ойконимы рассматриваемой группы образовывались, таким образом, от канонических имен и производных от них фамильных прозваний, а позднее и фамилий владельцев или первопоселенцев селений. Эти названия «некогда служили основным средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. Эта историческая функция сделала их господствующими в ойконимии, когда распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования мест – кому оно принадлежит»[55, с. 69].

В ойконимии Белгородской области в качестве образующих основ используется 105 канонических имен, из них мужских – 83 и женских – 22.

Список мужских имен, использованных в качестве образующих основ

1. Авдей – *с. Авдеевка* Прох.
2. Аверий – *с. Аверино* Губк.

3. Агапий – *х. Египкин* Вейд.
4. Агафон – *с. Агошевка* Вал.
5. Агей – *п. Агеево* Кргв.
6. Александр – *сс. Александровка(б), хх. Александровский* (2) Губк., Шеб.
7. Алексей – *г., с. Алексеевка (5), х. Алексеевский* Вейд.
8. Андрей – *сс. Андреевка (4), х. Андреевский* Белг.
9. Алпей – *х. Алпеевка* Черн.
10. Анпил – *с. Анпиловка* СтОск.
11. Антон – *с. Антоновка* Борис., *х. Антошкин* Кргв.
12. Аркадий – *х. Аркадьевка* Короч.
13. Архип – *х. Архиповский* Ракит.
14. Астах – *х. Астахов* Волок.
15. Афанасий – *с. Афанасьевка* Ал., *с. Афанасово* Короч., *с. Афоньевка* Волок.
16. Богдан – *с., х. Богдановка* (2) НовОск., Прох.
17. Борис – *р.п., с. Борисовка* (5), *х. Борисов* Прох.
18. Вавила – *с. Авиловка* Шеб., *х. Авилы* Черн.
19. Василий – *сс. Васильевка (5), х. Васильев* Прох.
20. Владимир – *сс. Владимировка* (3) Волок., Ивн., СтОск.
21. Влас – *х. Власов* Ал.
22. Герасим – *с. Герасимовка* Вал.
23. Гордей – *х. Гордюшкин* Шеб.
24. Григорий – *хх. Григорьевка* (2) Волок., Прох., *х. Грицинин* Вейд., *хх. Гриневка* (2) Короч., СтОск., *с. Гринево* НовОск.
25. Давыд – *х. Давыдкин* Волок.
26. Демид – *с. Демидовка* Ракит., *х. Демиденки* Белг.
27. Дмитрий – *сс. Дмитриевка* (6) в разных районах
28. Доман – *с. Домановка* Прох.
29. Дрон – *с. Дроновка* Борис., *с. Дроново* Вал.
30. Евгений – *с. Евгеньевка* Губк.
31. Евдоким – *х. Евдокимов* Волок.
32. Евсей – *х. Евсеев* Кргв.
33. Емельян – *х. Емельяновка* Короч., *х. Емельяново* Волок.
34. Еремей – *с. Еремовка* Ров, *х. Ереминки* Белг.

35. Ефим – *х. Химичев* Прох.
36. Захар – *с. Захарово* Черн.
37. Зеновий – *с. Зенино* Вейд.
38. Иван – *сс. Ивановка (12)* в разных районах
39. Игнат – *х. Игнатовка* СтОск., *х. Игнатов* Ал.
40. Илья – *хх. Ильинский (2)* Кргв., Прох., *с. Ильинка* Ал.,
с. Ильины СтОск.
41. Калина – *с. Калиново* Кргв., *хх. Калинин (6), х. Калинов*
Вейд.
42. Киприан – *х. Кирпин* Ал.
43. Клим – *х. Климов* Ал.
44. Константин – *хх. Костевка (2)* Короч., НовОск., *х. Костин*
НовОск.
45. Кузьма – *с. Косьминка* Прох.
46. Куприян – *х. Куприянов* Ал
47. Лазарь – *с. Лазареново* Кргв.
48. Лев – *с. Львовка* НовОск. *х. Львов* Прох.
49. Леонтий – *сс. Леоновка (2)* НовОск., Вал.
50. Лука – *с. Лукичевка* Вейд.
51. Макар – *х. Макарьевка* Черн.
52. Максим – *с. Максимовка* Шеб.
53. Мирон – *х. Мироновка* Прох., *х. Миронов* Вал.
54. Митрофан – *х. Митрофановка* Ал.
55. Михаил – *сс. Михайловка (3), х. Михайловский* Губк.
56. Наум – *с. Наумовка* Белг., *х. Науменки* Борис.
57. Никанор – *с. Никаноровка* Губк.
58. Никита – *с. Никитовка* Кргв., *х. Никитин* Ров., *с. Никит-*
ское Борис.
59. Николай – *сс. Николаевка (8), п. Николаевский* Кргв.
60. Павел – *сс. Павловка (3), п. Павловский* Ивн.
61. Петр – *сс. Петровка (4), х. Петров* Кргв., *п., х. Петровский (6)*
62. Прохор – *р.п. Прохоровка* Прох.
63. Роман – *с., х. Романовка (2)* Ракит., Волок., *х. Ромашовка*
Вал., *х. Ромахово* Вейд.
64. Савва – *х. Саввин* Шеб.

65. Сафон – *сс. Сафоновка* (2) Ивн., Короч., *х. Сафоны* Борис.
66. Свирид – *х. Свиридово* Короч.
67. Семен – *с. Семеновка* НовОск., *х. Семин* Як., *х. Семино*

Черн.

68. Сергей/Сергий – *сс. Сергеевка* (3) Борис., Ров., СтОск.,
сс. Сергиевка (3) Губк., Прох., Ракит.
69. Сидор – *с. Сидоровка* Короч., *п. Сидоров* Ров., *х. Сидоркин* Ал.
70. Симон – *х. Симоновка* НовОск.
71. Терентий – *х. Тереховка* НовОск., *х. Терехов* НовОск.,
сс. Терехово (2) Вал., СтОск.
72. Тимофей – *с. Тимоново* Вал.
73. Тит – *с. Титовка* Шеб.
74. Трефилий – *с. Трефиловка* Ракит.
75. Ульян – *х. Ульяновка* Волок., *х. Ульянов* Ивн.
76. Федор – *х. Федино* Ров.
77. Федосей – *с. Федосеевка* СтОск., *х. Федосейкин* Борис.
78. Филипп – *с. Филиппово* Вал., *х. Филькино* Кргв.
79. Фирон – *х. Фироновка* НовОск.
80. Фирс – *х. Фурсин* НовОск.
81. Фома – *х. Фомина* Ров.
82. Юрий – *с. Юрьевка* Губк., *х. Юрков* Кргв.
83. Яков – *х. Яковка* Вал., *с. Яковлевка* НовОск., *р.п. Яковлево* Як.

Часть антропотопонимов Белгородской области представляет собой названия, в основе которых лежат деминутивные образования или просторечные формы: *с. Агошевка* и *х. Гавшин* (от *Агафон*), *х. Антошкин* (от *Антон*), *с. Афоньевка* (от *Афанасий*), *х. Египкин* (фонетический вариант от старого календарного имени *Агапий*), *с. Авиловка* и *х. Авилы* (от имени *Вавила* с усечением начального согласного звука), *х. Гордюшкин* (от *Гордей*), *х. Давыдкин* (от *Давыд*), *с. Зенино* (от просторечной формы имени *Зеновий*), *х. Химичев* (от просторечной формы имени *Ефим*), *х. Кирпин* (от *Киприан* с перестановкой согласных звуков), *с. Макешкино* (от *Макар*), *х. Сидоркин* (от *Сидор*), *х. Терехов* и *х. Терешков* (от просторечных форм имени *Терентий*), *с. Тимоново* (от просторечной

формы имени *Тимофей*), *х.Ромахово* и *х. Ромашовка* (от просторечных форм имени *Роман*), *х. Федосейкин* (от *Федосей*), *х. Филькино* (от *Филипп*), *х. Юрков* (от *Юрий*).

Подобные ойконимы с деминутивными и просторечными антропонимами в основе (в нашем материале их 22) могли возникнуть уже в XVI-XVII вв., так как сложившийся в XIV в. такой способ именования людей просуществовал до XVIII в., когда в деловых бумагах стали требовать написания полного канонического имени.

В целом в качестве образующих основ в ойконимии Белгородской области использовано 83 мужских канонических имени, от полных и деминутивно-просторечных форм которых образовано 206 различных ойконимов.

Список женских имен, использованных в качестве образующих основ

1. Акулина – *с. Акулиновка* Борис., *п. Кулиновка* Борис., *х. Кулькин* Вейд.
2. Алиса – *с. Алисовка* Ивн.
3. Анна – *сс. Анновка* (2) Короч., Ракит.
4. Арина – *х. Аринкин* НовОск.
5. Варвара – *сс. Варваровка* (2) Ал., Белг.
6. Вера – *х. Верин* Прох.
7. Домна – *х. Домнино* Як.
8. Екатерина – *х. Екатериновка* Волок.
9. Елизавета – *с. Елизаветинка* Черн.
10. Зинаида – *с. Зинаидино* Ракит., *п. Зиневский* Ракит.
11. Лариса – *с. Ларисовка* Черн.
12. Леонида – *с. Нелидовка* Короч.
13. Любовь – *п. Любвин* Ал.
14. Марина – *с.,х. Мариновка* (3) Як., Борис., *п. Маринычев* Кргв.
15. Марья – *сс. Марьевка* (2) Ал., Кргв., *х. Марьно* Шеб.
16. Надежда – *х. Надежда* Борис., *с. Надеждовка* Ал.
17. Нина – *с. Ниновка* НовОск.
18. Раиса – *с. Раисовка* Прох.

19. Татьяна – с. *Татьяновка* Короч.

20. Устина – с. *Устьянка* Белг.

Укажем, что базой для ойконима с. *Нелидовка* послужило имя *Нелида*, которое является закрепившемся в речевой практике изменением женского имени *Леонида* [81, с. 104].

В основе образования двух ойконимов *п. Кулиновка* и *х. Кулькин* лежат деминутивно-просторечные формы от полного канонического женского имени *Акулина*.

Базой для названия с. *Устьянка* является фонетический деминутивный вариант полного имени *Устина*.

Таким образом, всего от канонических личных имен образовано 239 белгородских ойконимов, что составляет 14 % от всех наименований.

Подводя итоги семантического анализа названий населенных пунктов, образованных от антропонимов, отметим, что ряд белгородских ойконимов этой тематической группы перекликается с украинскими фамилиями, например: *х. Кисленко*, *х. Оноприенки*, *х. Остапенко-Первый*, *х. Остапенко-Второй*, *х. Савченко* и др.

В целом исследование материала показало, что одним из основных источников образования ойконимов Белгородчины являются антропонимы, для которых характерна принадлежность к системе календарных или некалендарных имен.

С канонической базой зафиксировано 239 местных названий, с неканонической – около 400. Особо рассматривались 4 наименования, в основе которых лежит архаическая именная база. Всего отмечено примерно 640 ойконимов с антропонимической базой, что составляет почти 38 % от всей ойконимии области.

Следует отметить, что преобладание в ойконимии неканонических именных баз отражает историческую реальность периода становления национального именослова в начальные моменты массового заселения нашего края, то есть до XVII в.

Наряду с этим подчеркнем, что значительное место антропонимов в образовании ойконимов объясняется, на наш взгляд, спецификой данных географических объектов. Это населенные пункты, возникновение которых связано с деятельностью человека в от-

личие от географических объектов, созданных природой. Эта обязательная связь данного типа географического объекта с человеком и служит причиной того, что имя, прозвище или фамилия человека становятся производящей базой для многих ойконимов.

В заключение рассмотрения названий населенных пунктов этой тематической группы считаем необходимым отметить, что работа с картотекой белгородских фамилий выявила интересные факты взаимодействия различных ономастических групп лексики. Проведенное исследование показало, что не только различные антропонимы могут использоваться в качестве производящих баз в ойконимии, но и что названия населенных пунктов иногда становятся базами для образования фамильных антропонимов Белгородской области. Назовем некоторые местные ономастические пары, указывающие на связь антропонима с топонимом: *Валуйский* – ср. с. *Валуй*, г. *Валуйки*; *Коренской* – ср. х. *Коренек* (по р. *Корень*); *Погромский* – ср. с., х. *Погромец* (2); *Рубежанский* – х. *Рубежный*.

2.2. Ойконимы, образованные от названий церквей или от названий религиозных праздников

Роль церкви в жизни пограничного Белгородского края в конце XVI - нач. XVII вв. была еще невелика, влияние церкви выросло позже. Топонимика свидетельствует, что наименование населенных пунктов по названиям церквей или названиям религиозных праздников достигло известной продуктивности лишь в XIX в.

На исследуемой территории нами отмечены ойконимы, для которых образующими основами являются названия церковных приходов, имена святых, названия религиозных праздников и другая культово-религиозная лексика.

2.2.1. Наименования населенных пунктов по названиям церквей

К таким ойконимам можно отнести: сс. *Архангельское* (3) в разных районах (по Архангельской церкви); х. *Богородицкое* Губк., с. *Богородское* НовОск. (по церкви во имя Пресвятой Богородицы); с. *Варваровка* Ал. (по церкви во имя Варвары Великомученицы);

с.,х. Вознесеновка (3) в разных районах (по Вознесенской церкви); *с. Всесвятка* Ров. (по церкви, освященной во имя Всех Святых); *с. Ильинка* Ал. (по церкви во имя Ильи Пророка); *с. Козьмодемьяновка* Шеб. (по названию церкви, освященной во имя Святых Козьмы и Демьяна); *с. Марьевка* Кргв. (по церкви, освященной во имя Святой Марии); *сс. Никольское* (3) в разных районах (по церкви во имя Николая Чудотворца); *сс. Петропавловка* (2) Белг., Черн. (по церкви во имя Святых первоверховных апостолов Петра и Павла); *с. Преображенка* СтОск. (по Преображенской церкви); *р.п. Пятницкое* Волок. (по Пятницкой церкви); *р.п. Троицкий* Губк. (по Троицкой церкви); *сс. Успенка* (2) Волок., Губк. (по Успенской церкви).

2.2.2. Наименования населенных пунктов по названиям религиозных праздников

С этими основами сохранились следующие ойконимы: *х. Введенский* Ракит. (название по празднику «День Введения во храм Пресвятой Богородицы»); *с. Вербное* Ал. (по празднику «Вербное воскресенье, или Вход Господень в Иерусалим»); *с. Воскресеновка* Черн. (по празднику в память Воскресения Иисуса Христа – Пасха); *с.,х. Знаменка* (4) в разных районах (в честь Празднования Знамения Пресвятой Богородицы); *сс. Покровка* (3) в разных районах, *хх. Покровский* (2) Ивн., Прох. (по празднику «Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы»); *сс. Рождественка* (3) в разных районах, *с. Рождественно* Вал. (по празднику «Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»).

2.2.3. Названия населенных пунктов, связанные с культово-религиозной лексикой

К таким ойконимам можно отнести: *х. Богомолово* Вал. (возможна связь с фамильным антропонимом); *х. Богомолье* Губк.; *сс. Богословка* (2) Ал., Губк.; *х. Церковный* Белг.; *с. Ближняя Игуменка* Белг. и *с. Дальняя Игуменка* Короч. (названия образованы от слова *игумен* «настоятель монастыря», так как эти селения были во владении Белгородского Никольского монастыря).

Всего в ойконимической системе области зафиксировано 46 наименований населенных пунктов, связанных с названиями церквей или названиями религиозных праздников, а также с другой религиозной лексикой; это составляет более 2,5 % от всех ойконимов.

Исследователи указывают, что подобных названий насчитывается немало и на других территориях раннего освоения; например, в топонимии Московской области они составляют 7 % [15, с. 24], в Орловской – 9 % [49, с. 87]. По Воронежской области отмечено 7 селений с названием *Архангельское*, 12 – *Никольское*, 7 – *Покровка*, 4 – *Троицкое*.

2.3. Ойконимы, связанные с историей заселения края и служебной деятельностью населения

Почти на любой территории можно встретить географические названия самых различных исторических эпох.

Характерной чертой второй половины XVI-первой половины XVII вв. является заселение и дальнейшее освоение приграничных территорий Российского государства. «Миграционный процесс в целом шел по двум направлениям: на восток и на юг» [45, с.124]. В свою очередь южный поток привел к появлению в южнорусских степях вольных поселений, которые впоследствии станут играть роль оборонительных пунктов.

Одновременно с появлением городов-крепостей происходит и заселение пограничного Белгородского края различными категориями населения, значительную часть которого составляли мелкие служилые люди-стрельцы, казаки, пушкари, драгуны, солдаты, станичные ездоки. Они были одновременно и воинами и земледельцами, сыгравшими значительную роль не только в заселении, но и в обороне южных границ Московского государства от набегов крымских татар.

Служилый люд селился нередко пригородными слободами и селами по роду службы. Следы таких поселений сохранились в топонимике Белгородской области: *сс. Стрелецкое* (4) в разных районах, *сс. Казацкое* (2) Белг., Як. и *с. Казачье Прох.*, *сс. Пушкарное*

(3) в разных районах, *с. Драгунка* Ивн. и *сс. Драгунское* (2) Белг., Як. К подобным названиям относим: *с. Сторожевое* Прох., *х. Маяки* Вейд. и *с. Малые Маяки* Прох. (*маяки* – возвышенные пункты, с которых сигнализировали о приближении неприятеля), *п. Завалье* Кргв. и *с. Завальское* Кргв. (селения за валом Белгородской черты, основанные служилыми людьми), *с. Порубежное* Борис. и *х. Рубежный* Белг. – термин *рубеж* относится к группе терминов, обозначающих границы каких-либо участков земли. Границы при разделении земель могли проходить по естественным урочищам, чаще всего по балкам и логам, с чем связано название *х. Рубежный Лог* Черн. Отметим, что в донской топонимии термин *рубеж* также получил широкое распространение в названиях хуторов *Рубежанские* и *Рубежные* [72, с. 240].

Десятки современных сел в Центрально-Черноземных областях России своим происхождением обязаны солдатской колонизации. Некоторые из них и по сей день называются *Солдатскими*. Села с таким названием можно найти на картах Воронежской, Липецкой, Курской областей [29, с. 44-46]. В Белгородской области отмечены следующие ойконимы, образованные от лексемы *солдат*: *сс. Солдатское* (2) Ракит., СтОск., *с. Солдатка* Кргв., более позднее наименование – *с. Новосолдатка* Ал.

Память об одной группе южнорусского населения XVII века – о станичных ездоках осталась в названиях *с. Ездочное* Кргв. и *х. Ездоцкий* Кргв.; ездоки делали объезды степи для выявления передвижения кочевников [69, с. 90].

Со служебной деятельностью населения края в XVI-XVII вв. связаны также ойконимы: *с. Казначеевка* Вал. (основано селение казначеем драгунского полка), *х. Писаревка* Губк. (в селении проживал писарь, что было редкостью в те далекие времена), *п. Толмачев* Волок. (*толмач* – старое заимствование из тюркских языков, древнерусское «переводчик» [87, т. 4, с.72]).

Некоторые названия селений данной тематической группы помогают воссоздать направления старых торговых и почтовых путей: *с. Великий Перевоз* СтОск., *х. Гонки* Як., *с.,х. Становое* (5) в разных районах. Производящие лексемы *перевозь*, *гонь*, *стань* свя-

заны с древним видом транспорта и являются терминами русской лексики почтовой связи XV-XVII вв.

В целом в тематической группе ойконимов, связанных с историей заселения края и служебной деятельностью населения, нами отмечено 37 наименований, которые, как «...красноречивые свидетели прошлого, представляют собой живое эхо отдаленных времен» [55, с. 13].

2.4. Ойконимы, отражающие особенности хозяйственной деятельности населения края или черты быта

Данная группа названий неоднородна как по семантике производящих элементов, так и по времени появления в ойконимической системе Белгородской области, что позволяет представить материал в следующей последовательности.

1. Географические названия, которые говорят о характере хозяйства в старину и отражают названия древних промыслов и занятий населения нашего края: *х. Бондари* Белг. (при *хх. Бондарев* (4) в разных районах); *с. Дегтярное* Вейд.; *х. Кашары* Губк. (от лексемы *кошара* «стойбище для овец в степях» [Даль, 2, с. 181]; *п. Пасечный* СтОск. и *х. Пасики* Борис.; *х. Нижние Мельницы* Вал. (других ойконимов с лексемой *мельница* в топонимике края не осталось); *с. Маслова Пристань* Шеб.; *хх. Попасное* (2) Вал., Кргв. и *хх. Попасный* (2) Вейд., НовОск. (от лексемы *попас* «место выпаса скота» [7, с.102]).

2. Ойконимы, образованные от названия делового объединения людей или повторяющие названия сельскохозяйственных предприятий: *с. Заводцы* Як. и *х. Заводы* Як.; *с. Артельное* Шеб.; *х. Коммуна* Короч.; *п. Совхозный* Борис.; *п. Опытный* Вейд.; *п. Заповедный* Губк ; *п. Плодоваягодный* Короч.; *п. Свекловичный* Ракит. Эти наименования являются поздними, так как появились в двадцатых- пятидесятых годах прошлого столетия.

Относим к этой группе названия *р.п. Строитель* Як. и *п. Рудный* НовОск., появление которых в ойконимической системе обусловлено развитием промышленности в послевоенное время.

Немногочисленность таких поздних наименований населенных пунктов (их всего 11) свидетельствует о том, что ойконимическая система исследуемой территории в своей основе сформировалась в XVI-XVII вв.

2.5. Ойконимы, топоосновы которых отражают типы селений и виды построек

В основе образования ойконимов данной тематической группы лежат культурные термины, обозначающие тип поселения или названия хозяйственных построек.

Эта группа терминов интересна как с точки зрения своей топонимизационной способности, так и с познавательной точки зрения, так как она отражает историческую (*городище, городок*) и социальную (*хутор, поселок, слобода*) характеристику поселений.

На широкое распространение в топонимике этой лексической группы обращают внимание различные авторы. Так, например, в Курской области таких терминов вместе с демиинутивными формами зафиксировано 18 [100, с. 47-50], в Беларуси их насчитывается 17 [28, с. 60], на Дону отмечено около 25 терминов, обозначающих тип поселения [72, с. 240].

Подчеркнем, что в XVI-XIX вв., как указывает русский историкограф Н.И. Костомаров, жилые местности назывались: *город, пригород, посад, слобода, село, деревня, починок*.

В современной ойконимической системе Белгородской области родовые названия населенных пунктов представлены терминами: *город, рабочий поселок, поселок, село, хутор*. Наряду с этим в качестве образующих баз выступают термины: *городище, городок, деревня, выселки, хутор, слобода, починок, садки, куток, избышки, двор, дача*; специальных толкований требуют некоторые термины, представляющие собой архаичные образующие базы: *будара, бутырка, истобка, шииш*.

Рассмотрим топонимический ряд, который объединен общей основой город-: *х. Гороженое* Короч., *с., х. Городище* (3) в разных районах, *с. Большое Городище* Шеб., *с. Малое Городище* НовОск., *с. Красное Городище* Волок., *х. Городок* Борис., *г. Белгород*.

Все собранные здесь ойконимы объединены основой со значением «*городить*», т. е. строить, огораживать, отгораживать, но все они чрезвычайно пестры как по времени создания, так и по причине возникновения, по мотивировке.

В ряде указанных названий селений сохранился термин *городище*, который относится к наиболее старым терминам этой лексической группы. Он служит превосходным ориентиром для археологов, безошибочно указывая на остатки древних поселений; например, в нашем крае удалось обнаружить остатки скифских полуземлянок и крепостей VII-IV вв. до н.э. [61, с. 203].

Таким же ориентиром для историков является термин *городок*, обозначавший постоянное и укрепленное место пребывания казаков.

Отметим, что термины *городище*, *городок* подверглись топонимизации на Дону [72, с. 241-242], в Беларуси [70, с. 89].

Термин *деревня* в современной ойконимии нашей территории практически не используется; только в нескольких названиях хуторов и сел он выступает как компонентный член в сочетании с прилагательным *новый* – ойконим *Новая Деревня* (5) в разных районах.

Термин *выселки* с видовым значением также не используется, а выступает как собственно ойконим – *п. Выселки* Кргв. и как компонентный член в трех бинарных наименованиях – *х. Алексеевский Выселок* Короч., *п. Красный Выселок* Черн., *х. Череновские Выселки* Ивн.

Лексической базой для обозначения разновидностей населенных пунктов послужили и другие топонимизированные апеллятивы.

Лексема *хутор*, обозначавшая в прошлом селение, выделившееся из села или слободы и не имевшее своей церкви, отразилась в ойконимах: *с. Хуторцы* Кргв., *х. Хуторище* Волок., *с. Красный Хутор* Белг., *с. Старый Хутор* Вал., *с. Новохуторное* Кргв.

Корень лексемы *слобода* отмечаем только в одном названии – *с. Новая Слобода* Короч. На территории областей Центрального Черноземья *слободами* назывались сельские населенные пункты с церковью, преимущественно с украинским населением [69, с. 47].

На Дону термин *слобода*, обозначающий место поселения крепостных (обычно украинского происхождения), приобрел ярко выраженный социальный оттенок, что отразилось, например, в топониме ***Непочетная Слободка*** [72, с. 246].

Селом в нашем крае назывались чаще всего русские селения с церковью; следы этого термина находим в ойконимах: ***с. Староселье*** Ракит., ***с. Старосельцево*** Волок., ***с., х. Новоселовка*** (10) в разных районах, ***с. Новоселовка-Первая*** Ивн. и ***с. Новоселовка-Вторая*** Ивн.

В одном названии сохранился топонимизированный термин *починок*, который обозначал маленькие деревушки, недавно заселенные – ***п. Красный Починок*** Ракит.

К началу XVIII века, когда возрастает прилив населения в наш край, относится появление быстро топонимизировавшегося термина *сад, садки* в значении «место первопоселения» [72, с. 245], с которым связано название ***с. Садки*** Кргв.

Близок по своему содержанию к термину *садок* термин *двор*, неизменно обозначающий место помещичьих усадеб на донской земле [72, с. 246]. Слово *двор*, общеславянское по своему происхождению, в нашем материале используется, вероятно, в своем древнейшем значении «дом» при назывании селений, состоящих из нескольких хозяйских дворов [95, с. 79]: ***с. Бобровы Дворы*** Губк., ***х. Зоринские Дворы*** Ивн., ***х. Крапивенские Дворы*** Як., ***х. Редины Дворы*** Як. В одном из документов XVII в. поручалось «...закрепить податное население края за «дворами» (хозяйствами)...» [44, с. 8].

Наряду с лексемой *дом* с общеславянской эпохи употребляются слова *кут, куток, закуток* в значении «угол, окраина» [7, с. 98]; *изба*, что также нашло отражение в ойконимии исследуемой территории: ***с. Красный Куток*** Борис., ***с. Закутское*** Вейд., ***х. Избушки*** Вейд.

«Для обозначения крестьянского жилища в белгородских говорах обычно используются наименования *изба, дом, хата*» [39, с. 53]. Однако слово *изба* на нашей территории является нечастотным. Воронежцы же «...издревле жилое помещение называли *избой/избенкой/избушкой*» [26, с. 48], что, возможно, объясняется

миграционными процессами, в ходе которых данное слово было привнесено переселенцами с более северных территорий.

В древнерусском языке слово *изба* употреблялось в своих вариантах: *истъба*, *истьба*, *истобъка*, *истопка* [95, с. 80]. В нашем исследовании отмечаем ойконим *с. Истобное* Губк. как исконное для русичей именование.

В основе названий *с. Зимовенька* Шеб. и *с. Зимовное* Шеб. лежит термин *зимник/зимовник* «изба для зимнего жилья, для приюта, пристанища в степях и лесах» [Даль, 1, с. 682].

Базовый термин *дача* «земельный участок, землевладение; лесное угодье, делянка» [52, с. 173] выступает в ойконимах: *п. Батрацкая Дача* Шеб., *х. Коренская Дача* Шеб. Думается, что в указанных ойконимах нашло отражение первое из приведенных значение термина *дача*, так как по указу Боярской Думы в 1620 г. «...нормы исчисления земли при правительственных *дачах* осуществлялись по новым дозорным книгам...» [45, с. 126].

В таком же значении термин *дача* топонимизировался в Беларуси, где отмечен топоним *Дача* [70, с. 95].

В нескольких ойконимах данной тематической группы зафиксированы архаичные образующие базы. Так, в названии *с. Бутырки* Вал. отразился старый термин *бутырка* «изба, жилище, селитьба, отдельная от общего поселения, дом на отшибе» [Даль, 1, с. 146]. Ойконим *х. Верхние Бударки* Кргв. связан с архаичной лексемой *буда* «постройка» [93, с. 623]. Считаем возможным в основе наименования *с. Шишино* Белг. видеть очень старый термин *шиши* «род самого простого овина, особенно для сушки конопли» [Даль, 4, с. 636].

Подчеркнем, что архаичные лексемы *бутырка*, *шиши* используются в качестве образующих баз в ойконимах Орловской области: *с. Бутырки*, *х. Шиши* [48, с. 45, 46].

Ряд ойконимов отражает особенность материала, из которого строились жилища: *с. Нижние Лубянки* Волок., *с. Средние Лубянки* Волок., *с. Лубяное-Первое* Черн., *с. Лубяное-Второе* Черн. В этих названиях в качестве производящей базы выступает слово *лубянка*, то есть сделанный из *луба* «подкорье, исподняя кора; особенно липовое, идущее на кровли» [Даль, 2, с. 270].

Некоторые ойконимы связаны с обозначением вида построек и их частей: *х. Печки* Ров., *с. Стойло* СтОск., *с. Хлевище* Ал., *с. Сетнице* Ал., *сс. Сетное* (2) Короч., Прох., *х. Ситное* Ракит., *с. Ситнянка* Вал. (фиксируем параллельность звуков [э] – [и] в предударном слоге); последние названия связаны с понятием *ситовой стан* «место, где через сито просеивали муку» [Даль, 4, с. 188].

Наименование *сс. Прилены* (2) Кргв., Черн. говорит об особенности появления подобных селений: они пристроились, «прилепились» к уже существующему поселению.

Ряд названий определяет особенность того места, где возникли селения: *х. Глушки* Прох., *х. Глушковка* СтОск. (населенные пункты возникли в отдаленных, пустынных местах или в глухом лесу – ср. слово *глухомань*); *х. Затишек* Вал., *с. Тишанка* Волок. (названия отражают тихое, малолюдное место); *х. Пустынка* НовОск. (селение возникло в пустынном месте). На наш взгляд, данные ойконимы имеют общее значение, которое определяет место поселения как ранее нежилое, безлюдное.

В названиях *с. Гусченка* НовОск. и *с. Гущено* Губк. в качестве образующей базы выступает диалектная лексема *гущина* «чаща, густой лес» [Даль, 1, с. 409].

Ойконимы *х. Горелинка* Прох., *х. Прогари* СтОск., *х. Погарский* Белг. связываем с корнями лексем *гореть* или *гарь*, вероятно, селения воздвигались на выжженном в лесу месте.

Изложенный материал показывает, что среди базовых элементов перечисленных ойконимов преобладают русские/восточнославянские лексемы (в некоторых случаях – общеславянские).

2.6. Социальные и этнические наименования

В топонимических системах разных регионов отмечаются названия населенных пунктов, которые давались по социальной, сословно-имущественной или этнической принадлежности жителей [см., например: 48, с. 34, 50].

В нашем материале выделяется ряд ойконимов, отражающих сословно-имущественное положение владельцев селений: *х. Бояр-*

ское Черн. – селение могло находиться на землях, принадлежавших Боярской думе или «городовым детям боярским» [44, с. 9]; *х. Генераловка* Белг. (от лексемы *генерал*); *сс. Граховка* (2) Ракит., Шеб. – базовая лексема *граф* (в названии отражена диалектная фонетическая черта – мена нерусского согласного звука [ф] на [х]); *с. Сподарюшино* Борис. – возможно, от лексемы *господарь* с отражением на письме диалектных фонетических изменений слова; *с. Майорщина* НовОск. – образовано от слова *майор* при помощи суффикса принадлежности *-щин-*.

Некоторые белгородские ойконимы обусловлены этническими наименованиями, связанными с переселением в наш край украинского населения: *с. Черкасское* Як. (при *х. Новочеркасский* Як.) – от термина *черкасы* «украинцы» (по русской терминологии XVII в.); *сс. Хохлово* (2) Белг., Вал. – название можно связать с южнорусским наименованием украинцев «*хохлы*».

Ойконимы *с. Русская Березовка* Ракит. (при *сс. Березовка* в разных районах), *с. Русская Халань* Короч. (при *с. Большая Халань* Короч.) отражают преобладание русского населения в этих селах.

Часть ойконимов говорит и о других этнических компонентах разного характера. Так, от этнонима *кацан* «переселенец из средней части России в южные области» образовано название *с. Цановка* Борис., при усечении начального слога производящей лексемы.

В связи с передвижением неславянских этнических групп от северо-западного Причерноморья в Белгородском крае появились ойконимы – *с. Арнаутово* Кргв. при *арнаут* «албанец», курское «басурман» [Даль, 1, с. 23]; *х. Бессараб* Шеб.; *с. Венгеровка* Ракит.; *с. Араповка* Белг. Отметим, что данные названия могут быть образованиями от антропонимов. Базы таких ойконимов не связаны с русской/славянской речью, в топонимической системе области они единичны.

Особое место занимает название *х. Цыганки* Белг., так как ойконим может быть связан не с этнонимом, а с прозвищем человека *цыган* «обманщик, плут, барышник, перекупщик» [Даль, 4, с. 575].

В целом группа социальных и этнических наименований немногочисленна (16 названий), но по своему происхождению эти ойконимы демонстрируют старые способы номинации.

2.7. Названия с абстрактно-идеологическим значением

Ойконимы, относящиеся к этой группе, разнообразны как по времени появления, так и по семантике базовых элементов, что позволяет детализировать их следующим образом:

- 1) оценочно-метафорические названия;
- 2) мемориальные наименования;
- 3) названия – символы советской эпохи.

2.7.1. Оценочно-метафорические названия

Эта группа наименований отличается значительной стилистической окрашенностью, большой экспрессивностью составляющих названия слов, хотя в ряде случаев можно говорить о редукции эмоционально-оценочных оттенков при образовании подобных ойконимов.

Так, апеллятивной абстрактной лексикой мотивируются пореволюционные новые ойконимы, возникающие метафорическим путем, использованием переноса названий с абстрактных понятий идеологического плана на населенные пункты. Здесь устанавливается условная связь между понятиями и географическими объектами, это часто названия со значением «пожелания», выражением идейно-эстетического отношения к обозначаемому: *х. Дары* Ров., *пп. Дружба* (2) Вал., Ров., *х. Братство* Ал., *х. Зарницы* Прох., *х. Надежда* Вейд., *х. Привет* Вал., *х. Рассвет* Волок., *х. Труд* Короч. Эти ойконимы образованы от специально подобранных имен нарицательных, имеющих положительную коннотацию.

Подчеркнем, что при метафорическом возникновении ойконимов связь их с объектами часто условная, признаки объектов не выявляются, и названия получают идейно-эстетический и оценочный характер. Правда, в процессе функционирования ойконима эти

коннотации, как правило, утрачиваются, и ойконим выступает в своем основном значении – номинативном, выделяющем единичный объект из числа однородных.

Относим к этой группе также названия-субстантивы, образованные от качественных прилагательных с положительным значением: *х. Благодатный* Волок., *с. Богатое* Ивн., *х. Богатый* НовОск., *х. Верный* Волок., *с. Веселое* Кргв., *хх. Веселый* (8) в разных районах, *х. Вольный* НовОск., *сс. Доброе* (2) Борис., Шеб.; *х. Дружный* Як., *п. Красивый* Волок. (при *х. Красиво* Борис.), *х. Надежный* НовОск., *сс. Отрадное* (3) в разных районах, *х. Приветный* Вейд., *х. Примерный* Белг., *п. Светлый* Черн., *х. Хороший* Прох.

Некоторые подобные названия были даны помещиками по появившейся еще в конце XVIII века моде присваивать новым крепостным селениям красивые и вычурные имена: *х. Алмазное* Белг., *с. Лазурное* Волок., *с. Прелестное* Прох., *х. Пышный* Ров., *х. Роскошный* Губк. [см.: 29].

Отметим, что в ойконимах этого типа проявляется тенденция к повышенной экспрессивности, чем обусловлено создание ойконимов от названий-характеристик. В нашем материале зафиксировано 26 ойконимов оценочно-метафорического характера.

2.7.2. Мемориальные наименования

К этой группе относим ойконимы – посвящения в честь выдающихся лиц.

В топонимии XX в. данный принцип номинации становится наиболее активным. В качестве производящих основ выступают фамилии и имена революционных деятелей и выдающихся лиц советской эпохи:

п. Горьковский Борис., *х. Дзержинка* Шеб., *п. Калининский* Шеб., *п. Кировский* Ивн., *п. Крупской* Черн., *п. Ленинский* Шеб., *п. Малоленинский* Кргв., *п. Новоленинский* Ракит., *х. Владимировка* Волок. (в честь Владимира Ленина), *п. Чапаевский* Борис.

Название *г. Губкин* дано в честь геолога – ученого Н.М. Губкина, одного из организаторов освоения богатств Курской магнитной аномалии.

Часть из мемориальных ойконимов образована с компонентом *имени*: *х. Имени Калинина* Ал., *х. Имени Ленина* Короч.

Перечисленные названия населенных пунктов (их 14) являются отражением общественно-исторической и политической жизни страны XX века.

2.7.3. Названия – символы советской эпохи

К данной группе относим ойконимы, отражающие идеологические мотивы социалистической эпохи: *хх. Первое Мая* (3) в разных районах, 8 наименований *Первомайский* в разных районах, *х. Первомайское* Ракит., *п. Майский* Белг. и *с. Майское* Вал., *х. Второе Мая* Белг., *х. Заря Новой Жизни* НовОск., *п. Заря Социализма* Черн., *х. Новая Заря* Шеб., *п. Клич Борьбы* Черн., *п. Комсомольский* (2) Белг., Прох., *р.п. Пролетарский* Ракит., *р.п. Октябрьский* Белг., *х. Новая Заря* Шеб., *х. Новый Мир* Черн., *хх. Новый Путь* (4) в разных районах, *хх. Нива* (2) Прох., Ракит., *п. Искра* Короч., *х. Коминтерн* Белг.

Большое место занимают названия с определением *красный* в значении «революционный», «социалистический»: *п. Красная Звезда* Черн., *х. Красная Нива* Волок., *х. Красное Знамя* Прох., *х. Красный Восток* Як., *х. Красный Май* Короч., несколько наименований *Красный Октябрь* (4) в разных районах, *п.,х. Красный Пахарь* (2) Волок., Короч.

С основой *красный* выступают и сложные ойконимы: *х. Красноалексеевский* Белг., *с. Краснооктябрьский* Ивн., *х. Красносолдатский* Губк.

Характерная особенность семантики данных новых наименований заключается в яркой социальной направленности, так как наиболее значительный слой названий представляют слова идеологического характера: *с. Советское* Короч., *п. Пламя Новой Жизни* Черн., *х. Новая Жизнь* Ракит.

Всего в этой группе отмечено 52 ойконима, являющихся названиями-символами советской эпохи.

В целом названия с абстрактно-идеологическим значением (112 ойконимов) представляют особый тип топонимических наименова-

ний, в которых «...наглядно видна социальная сущность языка, ибо топонимия в большей степени, чем любая другая лексическая подсистема, отражает особенность общественной жизни данного человеческого коллектива» [3, с. 24].

2.8. Перенесенные названия

Названия, связанные с миграцией в наш край населения из других областей, представляют собой перенесенные наименования с прежнего места жительства, иногда со словообразовательными или фонетическими изменениями.

Отметим, что не в каждом случае перенесенность названия можно доказать, хотя территориальную принадлежность первоначального населенного пункта мы уточняем в различной справочной литературе.

Всего в нашем материале зафиксировано 20 подобных ойконимов: *х. Елец* НовОск., *с. Елецкое* НовОск. (основаны переселенцами из *г. Елец* Липецкой области); *х. Даньков* Ал. (связываем с названием *г. Данков* Липецкой области либо с уже перенесенным названием

с. Данково Воронежской области); *х. Конотоповка* Вал. (предполагаем связь с названием *г. Конотоп* на Украине); *с. Кострома* Прох. (*г. Кострома*); *с. Курское* СтОск. (очевидна связь с названием *г. Курска*); *п. Могилевский* Ракит. (предполагаем связь с названием *г. Могилев*); *с. Можайское* НовОск. (оснавано выходцами из Можайского уезда Московской области, село с таким же названием зафиксировано в Воронежской области); *п. Викторополь* Вейд. (*г. Викторополь* на Украине); *с. Ливенка* Кргв. (*г. Ливны* Орловской области); *х. Рыльский* Ивн. (основан выходцами из *г. Рыльска* Курской области); *с. Славгородское* Ал. (связываем с названием *г. Славгород* Днепропетровской области); *п. Сумовский* Ракит. и *х. Сумской* Белг. (видим отражение основы названия украинского *г. Сумы*); *с. Тулянка* Вал. (*г. Тула*); *с. Харьковское* Ров. (очевидна связь с названием *г. Харьков*); *х. Ямпольский* Борис. (на Украине насчитывается четыре города с названием *Ямполь*).

Название *с. Муром* Шеб., вероятно, можно соотнести с названием древнего города *Мурома* на р. Оке, основанного в IX в. [71, с. 53].

Название *х. Ворожбиты* Борис. перекликается с ойконимом *Ворожба* Сумской области и может считаться перенесенным ойконимом, где суффикс *-ит-* свидетельствует о большой древности именованья (ср. *московиты*).

В наименованиях *с. Псковское* Ракит. и *х. Скаучанка* Вал. отмечаем двоякое отражение основы названия *г. Псков*, в последнем случае образование от слова *псковитянка* с отражением афезы начального согласного звука [п], билабиального звука [у] и аканья. Возможно, название *Скаучанка* дано селению по прозвищу женщины, поселившейся в нем.

Фиксация подобных названий-мигрантов, повторяющих названия более ранних заселенных мест, свидетельствует о территориальной привязке географических названий, что, в свою очередь, дает некоторую информацию о событиях и жизни людей в прошлые исторические эпохи.

В целом наблюдения над ойконимией культурно-исторического характера показали, что в таких названиях нашли отражение исторические и социально-экономические факты развития нашего края.

Глава II

КЛАССИФИКАЦИЯ ОЙКОНИМОВ ПО СПОСОБАМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразовательный анализ топонима, и ойконима в частности, предполагает установление способа словообразования, по которому образовано данное слово-название. Чтобы достичь этой цели, мы выясняем, от чего образован ойконим, то есть определяем его образующую базу – основу или основы (если ойконим образован способом сложения), и, во-вторых, - при помощи чего он образован, то есть выявляем топонимический формант. Эти приемы означают не что иное, как описание словообразовательного типа, в соответствии с которым произведен данный топоним. В связи с этим ойконимический материал изучаемой территории характеризуется нами по способам словообразования, каждый из которых объединяет ряд моделей и их разновидностей.

Выявленные источники ойконимии Белгородской области (см. главу I) рассматриваются нами как образующие базы, или основы, включаемые в ойконимическую систему словообразовательными средствами (топоформантами). В русской ойконимии избирательно используются словообразовательные средства русского языка, которые получают, по замечанию М.Н. Морозовой, «относительную автономию применительно к данной подсистеме лексики» [48, с. 52].

В.А. Никонов считает важным обратить внимание на закономерности развития имен собственных: «Имя – слово и, как все слова, подчиняется законам языка... Но собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее» [57, с. 6].

В связи с этим рассмотрение способов образования ойконимических единиц требует использования некоторых специфических терминов и понятий, свойственных словообразовательному анализу именно топонимического материала.

Две неизменные составные части любого топонима – это **топооснова** и **топоформант**. **Топооснова**, или основа топонима, – «это смысловой компонент географического названия (даже если в данном языке смысл, то есть связь с именем нарицательным или другим собственным именем, не вполне очевидна)» [80, с. 101]. Топоосновы в чистом виде не существуют. Они обязательно дополняются до целых слов, оформляются с помощью вспомогательных элементов, которые принято называть формантами или топоформантами. **Топоформанты**, или топонимические форманты, – «это служебные элементы, которые участвуют в построении топонимов» [80, с. 102]. Под топоформантом понимается «материальное выражение способа образования топонима и ойконима» [48, с. 57].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что ойконимия Белгородской области отражает все характерные черты русской топонимической системы, поэтому в нашем материале рассматриваются ойконимы, образованные морфологическим способом (разные модели аффиксации и сложения), ойконимы, образованные морфолого-синтаксическим способом, ойконимы, образованные лексико-синтаксическим способом (составные наименования) и ойконимы, образованные лексико-семантическим способом. Освещение материала, следуя традиции, начинаем с морфологического способа словообразования.

§ 1. Ойконимы, образованные морфологическим способом

Господствующим способом образования русских географических названий является морфологический способ, базирующийся на весьма развитой системе общеславянского аффиксального словопроизводства. Большинство топонимических работ В.А. Никонова, Е.М. Поспелова, В.А. Жучкевича, В.Д. Бондалетова, А.В. Суперанской и других авторов посвящено описанию именно этого способа производства топонимов.

Известно, что русское морфологическое словообразование включает основное многообразие способов, моделей и их вариан-

тов. В связи с этим в данном параграфе нами будут рассмотрены ойконимы аффиксальных моделей образования (суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные) и ойконимы сложных моделей образования.

1.1. Ойконимы аффиксальных моделей образования

Преобладающим способом образования белгородской ойконимии, как и вообще русской, является аффиксация, которая признана главным славянским топонимическим типом [4, с. 189]. Богатство средств русской аффиксации общеизвестно. Это позволяет распределить ойконимический материал по топоформантам, что стало традицией при словообразовательном анализе топонимического материала.

1.1.1. Ойконимы суффиксальных моделей

В нашем материале наиболее богато представлены ойконимы с разнообразными суффиксами топонимообразующего характера, давшие примерно 53% от всей ойконимии области. Ниже располагаем материал в соответствии с типичными суффиксами, которые были выявлены при деривационном анализе белгородских ойконимов.

Суффикс-ИН-

Суффикс *-ин-* выступает в значительном количестве белгородских ойконимов, относящихся ко всем трем грамматическим родам. Суффикс *-ин-* является одним из весьма древних топонимообразующих формантов славянства, тесно связанный с *-ин-* как суффиксом принадлежности, на что указывает В.А. Жучкевич.

В нашем материале данный формант проявляет большую активность. Часть ойконимов связана с личными именами русичей периода распространения имен канонических, при участии сокращенных, аффиговых или эллиптированных их форм.

Ойконимы мужского рода, образованные от канонических баз

1. х. Антошкин Кргв.
2. х. Аринкин НовОск.

3. х. Верин Прох.

4. х. Костин НовОск.

5. х. Кулькин Вейд.

6. х. Любвин Ал. и др.

Всего – 22

Ойконимы *х. Аринкин, х. Любвин* образованы от основ женских имен. Название *х. Кулькин* связываем с афезой в женском имени *Акулька < Акулина*.

Значительно шире представлены в нашем материале ойконимы с суффиксом *-ин-* от основ неканонических, в числе которых есть, видимо, и некалендарные восточнославянские имена.

Ойконимы мужского рода, образованные от неканонических баз

1. х. Апухтин Кргв.

2. х. Бородин Черн.

3. х. Кудрин Прох.

4. х. Рыбалкин Ал.

5. х. Сиротин Шеб.

6. х. Щепкин Волок. и др.

Всего – 27

Базы некоторых ойконимов данной группы перекликаются с древнерусскими неканоническими именами, приведенными С.Б. Веселовским: *Кудра, Кудрь* [ОВ, с. 168], *Малюта* [ОВ, с. 192], *Щена* [ОВ, с. 376].

Суффикс *-ин-* в качестве форманта выступает в ойконимах, представленных в форме среднего рода; такие названия связаны как с каноническими базами, так и с неканоническими.

Ойконимы среднего рода, образованные от канонических баз

1. х. Домнино Як.

2. с. Зинаидино Ракит.

3. х. Марьино Шеб.

4. х. Семино Черн.

5. х. Федино Ров.

6. х. Филькино Кргв. и др.

Всего – 9

В ойконимах данной группы в качестве базы выступают как женские канонические имена (*с. Зинаидино*), так и мужские (*х. Федино*).

В исследуемом материале более широко представлены ойконимы с суффиксом *-ин-*, образованные от неканонических основ. В их числе названия, связанные с отфамильными и прозвищными именованиями жителей этих селений.

Ойконимы среднего рода, образованные от неканонических баз

1. х. Бабанино Черн.
2. с. Головино Белг.
3. х. Добрино Ракит.
4. с. Коньшино Губк.
5. с. Коровино СтОск.
6. с. Сорокино Кргв. и др. Всего – 61

В целом среди ойконимов с суффиксом *-ин-* как топоформантом отметим преобладание антропонимических моделей, что объясняется природой суффикса *-ин-* как суффикса выражения принадлежности.

Суффикс *-ОВ-/-ЕВ-*

Суффикс *-ов-/-ев-* является одним из самых распространенных формантов славянской топонимии. Как отмечает С. Роспанд [71, с. 14, 24, 25, 37, 83], формант *-ов-* в древнерусских названиях первоначально имел топографическую, а не посессивную функцию. В эпоху феодализма он стал наиболее типичным для названий поселений, образованных от имен владельцев. В нашем материале, где названия населенных пунктов даны русичами до XVII века, преобладают ойконимы с суффиксом *-ов-/-ев-*.

Для белгородских ойконимов с формантом *-ов-/-ев-* базой послужили как канонические имена, так и неканонические. Кроме того, при анализе мы классифицируем эти названия по двум грамматическим родам – мужскому и среднему.

Ойконимы мужского рода, образованные от канонических баз

1. х. Астахов Волок.
2. х. Борисов Прох.
3. х. Васильев Прох.
4. х. Львов Прох.
5. х. Миронов Вал.
6. п. Сидоров Ров. и др. Всего – 19

Ойконимы мужского рода, образованные от неканонических баз

1. х. Гусев Волок.
2. х. Жданов Як.
3. х. Журавлев Кргв.
4. х. Сероштанов Ал..
5. п. Синельников Ров.
6. х. Смирнов Ракит. и др. Всего – 80

Ойконимы данной группы в большинстве своем выражают значение принадлежности, так как образованы от имен, прозвищ или фамилий владельцев или жителей селений.

Наряду с этим отмечен другой очень древний отряд топонимов с суффиксом *-ов-/-ев-*, именно фитонимического происхождения: *хх. Березов, х. Ольхов, х. Яснев, х. Ясенов* (в двух последних ойконимах отмечаем фонетические отличия).

Кроме того, некоторые ойконимы этой группы имеют эмоциональную окраску: *х. Бриллиантов, х. Яхонтов*.

Ойконимы среднего рода, образованные от канонических баз

1. п. Агеево Кргв.
2. с. Афанасово Короч.
3. с. Гринево НовОск.
4. х. Свиридово Короч.
5. с. Филиппово Вал.
6. р.п. Яковлево Як. и др. Всего —15

Ойконимы среднего рода, образованные от неканонических баз

1. х. Бычково Ал.
2. с. Воробьево Ал.
3. с. Волково Черн.
4. х. Курилово Волок.
5. с. Ломово Короч.
6. с. Морозово Губк. и др. Всего – 115

Заметим, что топографическая функция форманта *-ов-/-ев-* проявляется не только в ойконимах отантропонимического происхож-

дения. Думается, что в некоторых названиях селений сохраняются и следы древнего относительного прилагательного: *с. Озерово, с. Орехово, с. Фоцеватово* (в этом ойкониме отметим диалектную замену согласного звука [ф] на согласный звук [х]), *с. Черемухово, с. Яблоново*.

Таким образом, суффиксы *-ин-, -ов-/-ев-* – наиболее ранние топонимические форманты. Первоначально они имели значение принадлежности и соединялись с антропонимическими основами и основами нарицательных существительных лица. Различались эти суффиксы по характеру связи с определенными типами основ: суффикс *-ин-* соединялся с основами женского рода и мужского рода с флексией *-а*, а суффикс *-ов-/-ев-* соединялся с основами на твердый и мягкий согласный слов мужского рода.

Включившись в топонимическую систему, эти суффиксы утратили значение принадлежности и стали выступать как топоформанты для образования географических названий. В этой функции они расширили характер словообразовательных связей и стали соединяться не только с указанными выше основами, но и с основами других семантических групп мужского и среднего рода, более свободно образуя топонимы [см. об этом: 48, с. 57; 72, с. 224, 247].

Суффикс **-К-**

Значительное количество белгородских ойконимов образовано с помощью форманта *-к-*. В топонимии восточных славян данный суффикс достиг наибольшего господства. Как указывает В.А. Никоннов [55, с. 73], расцвет топоформанта *-к-* приходится на XVI-XVIII века. Поэтому формант *-к-* преобладает там, где русские и украинские названия в своем большинстве принадлежат этому временному периоду.

Сегодня этот суффикс, по сведениям Г.П. Бондарук [6, с. 16], весьма частотен в ойконимии южнорусских областей, а также охватывает почти всю Украину. В топонимии, например, соседней с БО Харьковской области он составляет более 40% [55, с. 73].

В белгородской ойконимии формант *-к-* используется для образования названий населенных пунктов от основ антропонимов, часто - от церковных названий, а также от апеллятивов, отражающих

местные географические условия. В некоторых ойконимах этот топоформант сочетается с суффиксом *-оват-*.

Ойконимы, образованные от канонических имен и церковных названий

1-2. сс. Богословка Ал., Губк.

3-6. с.,х. Знаменка (4) в разных районах.

7-8. с.,х. Ильинка Ал., Губк. (ср. с. Ильины СтОск.).

9-11. сс. Покровка (3) в разных районах (ср. хх. Покровский Ивн., Прох.).

12. с. Преображенка СтОск.

13-15. сс. Рождественка (3) в разных районах (ср.с. Рождестве-но Вал.).

16-17. сс. Успенка Волок., Губк.

Ойконимы, образованные от неканонических основ

1. с. Драгунка Ивн.

2. х. Журбинка Борис.

3. с. Казанка Короч.

4. с. Красавка Волок.

5. х. Кривошеевка Прох.

6. с. Лопухинка Губк. и др. Всего – 19

К ойконимам, образованным с помощью форманта *-к-*, относим и название в форме множественного числа *г. Валуйки*, вторичное по отношению к названию *р. Валуй*.

Кроме того, включаем в эту группу ойконины, в которых формант *-к-* сочетается с суффиксом *-оват-*: *х. Песковатка*, пять населенных пунктов с названием *Ольховатка* в разных районах (ср. *х. Ольховатский* Прох.). В этих наименованиях суффикс *-оват-*, по утверждению М.В. Федоровой [89, с. 16-19], имеет угорскую мотивацию, но сегодня его семантические особенности не воспринимаются. Отметим, что в Воронежской области зафиксированы две *Ольховатки*, селения с названиями *Вязноватка* и *Меловатка*; по Липецкой области – *с. Березнеговатка*, *д. Ольховатка*, *сс. Песковатка Боярская* и *Песковатка Казачья*. В топонимах Украины *-оват-* выступает как самостоятельный топоформант, что также отмечено М.В. Федоровой [там же].

Суффикс -ОВК-/-ЕВК-

Рассматривая ойконимы данной группы, часто трудно установить связь топонима с образующей антропонимической основой: выступает ли в качестве нее личное имя или фамильное прозвание.

Так как в большинстве случаев мы не располагаем официальными данными о возникновении ряда населенных пунктов, а, следовательно, и о причинах выбора названия, то приходится прибегать к условному выделению антропонимической образующей базы и топоформанта, что позволяет говорить о множественной мотивации некоторых ойконимов этой группы. При образовании названия селения от личного имени следует выделять суффикс *-овк-/-евк-*, при образовании же от фамильного антропонима выделяется суффикс *-к-*, который в процессе топонимопроизводства способен обрастать квазиморфами, образующими в данном случае производный формант *-овк-/-евк-*.

По этим причинам представляем собранные нами ойконимы общим списком, разграничивая их по признаку каноничности/неканоничности производящей базы.

Ойконимы, образованные от канонических баз

1. с. Авдеевка Прох.
2. с. Авиловка Шеб.
3. с. Агошевка Вал.
4. х. Гриневка Короч.
5. с. Демидовка Ракит.
6. с. Дмитриевка и др.

Всего – 146

В большей части случаев приведенный материал позволяет говорить об антропонимической базе, связанной с мужским именем или с образованной от мужского имени фамилией, что соответствует грамматической природе деривата *-овк-* (например: *с. Антоновка, с. Романовка, х. Фироновка и др.*).

В нескольких случаях прослеживается немотивационная связь суффикса *-овк-* с основами женских имен: *с. Анновка, с. Надеждовка, с. Ниновка, с. Татьяновка.*

Ойконимы, образованные от неканонических баз

1. с. Безлюдовка Шеб.
2. с. Березовка Ал.
3. с. Бессоновка Белг.
4. с. Вороновка Вал.
5. с. Глушковка СтОск.
6. х. Гончаровка Ал. и др.

Всего – 148

В представленном материале формант *-овк-/-евк-* отражен в 306 названиях. Это одна из самых многочисленных суффиксальных групп белгородских ойконимов.

Суффикс-СК-

Некоторые из видов топонимов, как отмечает А.Д. Зверев [32, с. 102-104], служат примером своеобразной разобщенности семантической и структурной производности. Топонимы с суффиксом *-ск-* структурно соотносятся с соответствующими прилагательными, а семантически нередко - с названиями природных объектов или антропонимами. Вот почему одни лингвисты возводят их к существительным, другие - к прилагательным. Этот формант, как указывают М.В. Горбаневский и Г.П. Смолицкая, «...почти повсеместно выражает чисто топонимические отношения: отношение названия селения к лицу, к географическому объекту, к пространственному понятию, к отвлеченному понятию, которые послужили в качестве производящих основ для топонимов» [79, с. 67]. В.А. Никонов определяет *-ск-* как «суффикс неличной принадлежности» [55, с. 71].

В Подонье широко распространена группа топонимов, характеризующаяся частичным сохранением связей с антропонимами, которая обычно в качестве дополнительного средства топонимизации присоединяет к своей основе суффикс *-ск-*, «...отмеченный особой топонимической значимостью» [72, с. 224].

Учитывая описанные особенности топоформанта *-ск-*, мы считаем целесообразным рассматривать образованные с его помощью ойконимы в морфологическом способе словопроизводства как суффиксальные названия с полисемантическим формантом *-ск-*.

Наша точка зрения по этому вопросу не совпадает с мнением ряда авторов, которые подобные топонимы-субстантивированные прилагательные с суффиксом -ск- относят к морфолого-синтаксическому типу образования [см.: 48, с. 54].

В ойконимах Белгородской области этот формант сочетается с грамматическими формами мужского и среднего родов. Суффикс -ск- содержится в названиях, данных по церковным приходам и по фамилиям или именам владельцев селений, а также ойконимы с этим формантом часто отражают местные географические условия.

Мы классифицируем такие названия в зависимости от родовой оформленности и в зависимости от базы (каноническая или неканоническая).

Ойконимы мужского рода, образованные от канонических баз

1. х. Александровский Губк.
2. х. Алексеевский Вейд.
3. х. Андреевский Белг.
4. х. Никольский Короч.
5. х. Петровский Вейд.
6. х. Покровский Ивн. и др. Всего – 23

Ойконимы мужского рода, образованные от неканонических баз

1. п. Грушевский Волок.
2. х. Ездоцкий Кргв.
3. х. Каменский Як.
4. п. Незнамовский СтОск.
5. х. Озеровский Прох.
6. х. Осинковский Губк. и др. Всего – 55

Ойконимы среднего рода, образованные от канонических баз

- 1-3. сс. Архангельское Губк., Стоск., Шеб.
4. с. Богородское НовОск.
5. с. Богородицкое Губк.
- 6-8. сс. Никольское Белг., НовОск., Шеб.
9. с. Никитское Борис. (ср.с. Никитовка Кргв., х. Никитин Ров.)
10. р.п. Пятницкое Волок.

В данной группе ойконимов грамматическую форму среднего рода имеют назвнния сел (9), но в одном случае это название рабочего поселка – *Пятницкое*, что явно связано с бывшим именованим села с церковью в честь Святой Параскевы Пятницы.

Ойконимы среднего рода, образованные от неканонических баз

1. с. Беловское Белг.
2. с. Боровское Шеб.
3. х. Боярское Черн.
4. с. Оскольское НовОск.
5. х. Полянское Короч.
6. с. Псковское Ракит. и др. Всего – 29

Ойконимы на *-ское-* имеют различные по семантике базовые элементы, в качестве которых могут выступать антропонимы, местные географические апеллятивы, социально-экономические термины, названия прежних мест поселения.

В целом суффикс *-ск-* как топоформант является весьма продуктивным при образовании ойконимов Белгородской области; 117 названий населенных пунктов исследуемого региона содержат данный топоформант.

Суффикс -j-

Суффикс *-j-* содержится лишь в нескольких ойконимах Белгородской области: *сс. Готовье* Ал., СтОск. (2), *с. Гремячье* Короч., *х. Раздолье* Кргв. (ср. п. Раздол Ракит.). Более часто этот суффикс встречается в нашем материале в сочетании с префиксами (см. далее в нашем материале префиксально-суффиксальные образования).

Рассматривая указанные ойконимы, трудно определить, входит ли суффикс *-j-* в производящую базу, или он является топоформантом. Например, название *с. Гремячье* может быть связано с гидрографическим названием *Гремячий*. При сопоставлении названия *х. Раздолье* с ойконимом *п. Раздол* считаем целесообразным выделение суффикса *-j-*.

Название *с. Готовье* можно связать с апеллятивом *готовище* «место рубки в лесу, где сложены готовые дрова» [Даль, 1, с. 388]; при этом данный ойконим мог быть образован от усеченной основы

при помощи топоформанта *-j-*. Это соотносится с определением значения суффикса *-j-* как пространственного или местного в подобных названиях на *-овье* у В.В. Виноградова [11, с. 106].

Таким образом, суффикс *-j-* является непродуктивным для ойконимии Белгородской области.

Суффикс-ИЩ-

В старых славянских названиях населенных мест был нередок формант *-ище*, означающий место, где находилось или происходило что-либо, например: *ржище* – земля, поле, где была посеяна рожь; *пожарище* – место, оставшееся после пожара.

С. Роспонд относит этот суффикс к праславянской форме **itjo* и пишет, что «...названия типа *-itjo* сосредоточились на определенной территории древней Руси, примерно совпадающей с территорией распространения белорусских говоров, гранича на севере с псковскими говорами... и на юге - с переходным белорусско-украинским» [71, с. 49].

На тех территориях, где русские названия возникли в XVI-XVII вв., этот формант уже не образовывал топонимов и поэтому встречается обычно только в топонимах от немногих готовых основ, уже имеющих этот формант, например: *с. Городище* – из нарицательного *городище* «место развалин укрепления». Таким образом, суффикс *-ище* с доминирующим местным значением, широко представленный в восточнославянской топонимии, непродуктивен в настоящее время, о чем свидетельствуют многие авторы [см., например: 11, с. 106; 6, с. 16 и др.].

В нашем материале топоформант *-ище* представлен в 10 названиях населенных мест: *сс., х. Городище* (3) Короч., Ал., *х. Мостище* Ракит., *с. Сетище* Ал., *х. Столбище* Волок., *х. Стублище* Ал., *с. Осколище* Волок., *х. Хлевище* Ал., *х. Хуторище* Волок.

В ойкониме *х. Мостище* роль базы играет существительное *мост*, вероятно селение возникло вблизи моста.

В названии *с. Сетище* (при наличии *сс. Сетное*, *х. Ситное*, *с. Ситнянка*) отмечаем в корне мену гласных звуков [э] – [и] и связываем это название с лексемой *сито* [Даль, 4, с. 188]. Можно предположить, что первоначально на месте селения располагался ситовой стан, то есть место, где через сито просеивали муку.

Ойконим *х. Столбище* связываем с основой существительного *столб* (ср. в Татарстане – Столбищи). В.И. Даль [4, с. 327] дает несколько значений этого слова применительно к нашему периоду, из чего вероятнее предположить, что первоначально на этом месте был «клин, загон в 80 или 100 сажень».

Название *х. Стублище* включаем в эту группу ойконимов, так как формант *-ище* здесь вычленяется легко, хотя значение производящей базы нам не ясно (при допущении мены гласных звуков [о] – [у] и метатезы база может быть вариантом к слову *столб*).

Ойконим *с. Осколище* связан с местом расположения селения по реке Оскол.

Название *с. Хлевище* образовано от существительного *хлев*, которое здесь выступает в качестве производящей базы. Отсюда следует, что селение появилось на месте старых хлевов «загонов для скота» [Даль, 4, с. 553].

Ойконим *х. Хуторище* свидетельствует о том, что селение возникло на старом жилом месте, так как роль базы играет видовой термин *хутор*.

Отметим наличие компонента *-ищ-* в других ойконимах Белгородской области: *с. Гостищево* Як. и *с. Огнищево* Шеб. М. В. Федорова считает этот компонент наряду с *-чи* (в названиях типа *Белгородчина*; *Болотичи* – Беларусь) древним адыгским заимствованием лексем со значением земля/место [88, с. 67].

Суффикс-ЩИН-

В русской топонимии названия с формантом *-щина*, обозначающие какую-то площадь определенной территории, встречаются весьма редко.

В.А. Никонов указывает, что массив распространения названий с этим формантом – Беларусь, северо-восток Польши, северо-запад Украины [55, с. 74].

На Украине пик продуктивности названий на *-щина* приходится на конец XIX-начало XX вв. – в период массового образования хуторов: *х. Герасимівщина*, *х. Михайлівщина*, *с. Глобівщина* (Сумская область). Т.И. Поляруш, исследуя ойконимический материал Украины, определил, что в Полтавской области с формантом *-щина*

насчитывается 113 названий, в Черниговской – 60, в Сумской, с которой граничит Белгородская область, – 64 ойконима.

От своего массива распространения топонимы с *-щина* расходятся по всем направлениям, быстро редая.

Г.П. Бондарук отмечает, что в Московской области очень редок суффикс *-щин-*, обозначающий принадлежность земли кому-либо (например, по диалектологическим материалам *монастырщина* «земля, принадлежащая монастырю»), отмеченный всего лишь в 0,3% названий [6, с. 18].

В Калужской области, по данным Т.В. Кудрявцевой, топонимы с этим формантом встречаются также довольно редко и лишь в старых названиях, например: *Матвеевщина, Яровщина, Рыболовщина* [40, с. 30].

Для белгородской ойконимии весьма характерна необычная редкость топоформанта *-щина*; в нашем материале зафиксировано только три ойконима с суффиксом *-щин-*: *с. Старовщина* Шеб., *с. Майорщина* НовОск., *х. Ваковщина* Борис.

Название *с. Старовщина* определяет, что, видимо, данное селение возникло на старом жилом месте.

Ойконим *с. Майорщина* представляет собой явно более позднее образование и указывает на принадлежность земли владельцу-майору.

В названии *х. Ваковщина* семантика производящей базы не ясна.

Таким образом, исследуемый материал подтверждает непродуктивность суффикса *-щин-* как топоформанта для нашего региона.

Суффикс -ЕЦ-

Суффикс *-ец-* относится к древним славянским топоформантам [см., например: 48, с. 53]. В топонимии он известен как с деминутивным, так и с качественным значением, например: *Дон* и *Донец* или *Ржавец*.

Анализируя наш материал, не всегда легко вычленить суффикс *-ец-* как топоформант, так как в ряде случаев он, вероятнее всего, принадлежит производящей базе. Но в некоторых ойконимах выделение *-ец-* как топоформанта представляется нам бесспорным:

х. Копанец Ал., *хх. Ржавец* (3) Прох., Ракит., Шеб., *с. Хмелевец* Вал. (ср. *хх. Хмелевое* Ал., Короч.).

Близки к этой группе ойконимы *с. Плотавец* Короч. (при наличии *х. Плата* Прох. и др. производных от апеллятива *плота*), *с.,х. Погромец* Волок., НовОск. (так мог называться ручей).

Особую подгруппу здесь образуют ойконимы с топонимизированной формой множественного числа: *с. Заводцы* Шеб. (ср. *х. Заводы* Як.), *с. Хомутцы* Ивн., *с. Хуторцы* Кргв. (ср. *х. Хуторище* Волок.). Эти образования перекликаются с бессуффиксной формой множественного числа типа *Ключи, Заводы* и т. п.

Суффикс -ИЦ-

Суффикс *-иц-* также принадлежит древней славянской топонимии.

С. Роспанд отмечает, что в восточнославянской и южнославянской группах это был продуктивный топонимический формант, иногда вторичный [71, с. 32]. О плотном и довольно широком распространении гидронимов на *-ица-* указывает О.Н. Трубачев; на Правобережной Украине он их насчитывает 301: *Быстрица, Рудавица, Муравица, Сожица* и др. [83, с. 171-172]. Позже, как отмечают исследователи, наблюдается экспансия форманта *-ица-*.

В отличие от суффикса *-ец-*, формант *-иц-* создавал ойконимы в форме женского рода: *х. Гнилица* НовОск., *с. Ивица* Короч., *п. Стадница* Ракит.

Суффикс -АНК-/-ЯНК-

Определенную роль в образовании белгородских ойконимов сыграл формант *-анк-/-янк-*, сочетающийся с различными типами производящих основ:

1. *с. Белянка* Шеб.
2. *х. Бережанка* Вал.
3. *х. Бочанка* Волок.
4. *с. Серебрянка* НовОск.
5. *с. Ситнянка* Вал.
6. *с. Тишанка* Волок. и др.

В целом формант *-анк-/-янк-* отражен в 17 ойконимах Белгородской области, что позволяет говорить о его малой продуктивности при образовании названий населенных пунктов в нашем крае.

Суффикс -ИНК-

Производным топонимическим суффиксом является и суффикс *-инк-*, возникший из слияния суффикса *-ин-* с суффиксом *-к-*.

В ойконимах Белгородской области суффикс *-инк-* как топоформант бесспорно вычленяется лишь в трех случаях: *х. Горелинка* Прох., *с. Косминка* Прох., *с. Теплинка* Ал.

В двух названиях можно предположить двоякое членение: либо суффикс *-инк-*, либо суффикс *-к-*: *с. Елизаветинка* Черн., *х. Мордовинка* Як. Для ойконима *с. Елизаветинка* в качестве производящей базы может выступать антропоним *Елизавета* или, возможно, притяжательное прилагательное как бывшее название селения *Елизаветино*. Название *х. Мордовинка* можно связать с названием *с. Мордовино* Тамбовской области, если селение в нашей области основано переселенцами. Но возможно, в качестве исходной базы выступает наименование женщины по национальному признаку.

Как видим, суффикс *-инк-* в большей степени сочетается с антропонимическими основами и особой продуктивности в ойконимии Белгородской области не имеет.

Суффикс -ЕНК-

Производный суффикс *-енк-* также образовался из слияния суффикса *-ен-* с суффиксом *-к-*. Он непродуктивен и образовал незначительное число ойконимов: *с. Висленка* СтОск., *с. Гущенка* НовОск., *с. Камышенка* Ал., *с. Ливенка* Кргв. (ср. *г. Ливны* Орловской области). Данный формант в нашем материале соединяется с основами природно-географического характера.

Суффикс -ЕНЬК-

Суффикс *-еньк-* относится к непродуктивным формантам в ойконимии Белгородской области, с его помощью образованы всего два ойконима: *х. Дубовенька* Шеб., *с. Зимовенька* Шеб. (при наличии *с. Зимовное* в том же р-не). Непродуктивность данного форманта в топонимии наблюдается и по другим регионам [см., например: 48, с. 38].

Такии образом, исследуемый материал показал, что наиболее употребительны в нашей области суффиксальные ойконимы, давшие 53% образований от всей ойконимии края. Следует отметить богатство использованных топонимических суффиксов разной степени продуктивности, которые «...перешли в имена собственные из имен нарицательных и в ономастике модифицировали свое значение применительно к потребностям ономастических систем» [3, с. 21].

Наиболее продуктивными являются суффиксы: *-ов-/-ев-*, давший 13,5% от всех ойконимов, *-ин-* (6,5%), *-овк-/-евк-* (18%), *-ск-* (6,4%), *-к-* (2,4%).

Незначительной продуктивностью обладают суффиксы: *-анк-/-янк-*, составивший 0,9% от всех образований, *-инк-* (0,2%), *-енк-* (0,2%), *-еньк-* (0,1%).

К непродуктивным с синхронной точки зрения относятся топоформанты: *-иц-*, на который приходится 0,5% от всех ойконимов области, *-щин-* (0,1%), *-j-* (0,4%), *-ец-* (0,6%), *-иц-* (0,1%).

Важно отметить, что наши данные согласуются с материалами В.А. Никонова [см.: 55, 57, 58], характеризующими степень распространенности топоформантов в южнорусской зоне.

1.1.2. Ойконимы префиксальных моделей

Славянская топонимия несравненно реже пользуется префиксами, чем суффиксами, что подтверждается немногочисленным количеством префиксальных моделей как в белгородской ойконимии, так и в ойконимических системах других близлежащих областей [см. 48, с. 59]. Ранее префиксация в славянской топонимии была гораздо продуктивней. И это, по-видимому, особенность не топонимии, а славянских языков: топонимия отразила более раннее состояние их, когда размеживание словообразования на именное - суффиксальное и глагольное - префиксальное еще не достигло такой четкости, как теперь [см. 55, с. 85].

Думается, что едва ли сейчас осуществим точный анализ подобных образований, восстанавливающий сам момент возникновения ойконима: образован ли топоним префиксацией или видимый в нем префикс принадлежит самой основе. Вероятно, следует прини-

мать такие ойконимы как данные, независимо от того, в каком складывались их элементы.

Мы опираемся на синхронный анализ ойконимической системы Белгородской области, поэтому определяем способ образования ойконима исходя из современного состояния словопроизводства, учитывая при этом семантику названия, в значительной степени связанную с местными условиями жизни населения края.

Префиксальные модели ойконимов исследуемого региона представлены двумя разновидностями.

Модель 1. Префиксальные ойконимы, образованные от имен существительных: *с. Засосна* Кргв., *х. Подлес* Кргв., *с.,х. Подольхи* (2) Прох., НовОск., *с. Подъяруги* Прох. Эти названия обладают прозрачной структурой и семантикой. Например, название *с. Засосна*, в котором выделяется префикс *за-*, обозначает место, находящееся за пределами того, что названо мотивирующим словом, так как селение расположено за *р. Тихая Сосна*. Ойконимы с префиксальным морфом *под-* обозначают место, находящееся ниже или в непосредственной близости от того, что названо мотивирующим словом: *х. Подлес* – селение расположено вблизи леса; *с. Подольхи* – селение расположено поблизости от ольховых зарослей; *с. Подъяруги* – село находится под склоном оврага – диал. «яруга». Названия *с.,х. Подольхи* и *с. Подъяруги* демонстрируют не «чистую» префиксацию», а в соединении с формой множественного числа [термин использует М.Н. Морозова].

Модель 2. Префиксальные ойконимы, образованные от субстантивированных прилагательных, которые являются названиями соседних поселений: *с. Подвислое* НовОск. (при наличии *с. Вислое* Як.), *х. Подвысокое* Ракит. (при *х. Высокое* того же района), *сс. Заломное* (3) Ал., Губк., Короч. (при *с. Ломное* Борис.), *с. Подсерднее* Ал. (при наличии *х. Средний* Ров.).

Таким образом, префиксальные ойконимы в Белгородской области представлены лишь в 12 случаях: это всего 1% от всех образований. Считаем, что и малое количество указанных префиксальных моделей в ойконимии исследуемой территории при известной

необходимости может помочь при реконструировании исторической системы префиксов и предлогов в русском языке.

1.1.3. Ойконимы префиксально-суффиксальных моделей

Префикс в русской топонимии чаще выступает в сотрудничестве с суффиксом, когда ойконим образуется на базе предложно-падежной формы имени существительного. Префиксально-суффиксальные образования в нашем регионе дают незначительное число ойконимов, хотя довольно показательных для характеристики естественно-географических условий области. В таких названиях используются разнообразные префиксы и суффиксы.

Для истории языка чрезвычайно существенна в топонимах приставка *за-*. Названия других регионов (например: *Заволжье*, *Задонье*, *Зауралье*) зафиксировали направление исторического движения – каждое из них означало сторону, противоположную центру. В малом масштабе то же демонстрирует местная ойконимия: *п. Завалье* Кргв., *с. Завальское* Кргв., *с. Завалищено* Черн., *х. Залесье* Губк., *сс. Замостье* (2) Борис., Короч., *с. Заполье* Ал., *с.,х. Заречье* (3) Белг., Короч., Шеб., *с. Зареченка* Губк., *хх. Заречное* (2) Борис., Черн., *п. Загорный* Губк., *п. Задорожный* Ракит., *х. Заяровка* Волок. Эти наименования позволяют установить тот противоположный пункт, с которого они названы.

В нескольких случаях выступает префикс *при-* в сочетании с суффиксами *-j-* и *-н-*: *с. Прилесье* Ракит., *с. Приосколье* СтОск., *п. Прибрежный* НовОск., *п. Придорожный* НовОск. В ойконимии Белгородской области пространственное значение префикса *при-* совпадает с его внетопонимическим значением: он обычно означает «вблизи, около».

В префиксально-суффиксальных белгородских ойконимах используются и другие префиксы с пространственным значением: *с. Нагорье* Ров., *сс. Нагольное* (2) Ров., СтОск., *с. Порубежное* Борис., *с. Подгорное* Вал. Отметим, что ойконим *с. Порубежное* (при наличии *х. Рубежный* Белг.) обладает множественной мотивацией. Название *с. Нагольное* образовано на базе словосочетания *на голом месте*. Ойконим *Подгорное* – весьма распространенное географическое

ческое название. Так, например, в перечне населенных пунктов Воронежской области 1972 г. отмечено семь *Подгорных*. Этимология слова понятна, но интересно то, что не все *Подгорные* расположены «под горой»: одно из этих селений названо по *Подгорному озеру* [29, с. 107].

Исследуемый материал показывает, что в сочетании с префиксами *за-*, *на-*, *при-* более часто выступает суффикс *-j-*, на большую топонимическую продуктивность которого обратил внимание еще А.Н. Селищев в своей работе «Из старой и новой топонимики» [75, с. 105].

В ойкониме *с. Завалищено* выделяется суффиксальный морф *-ищено*, который единичен для нашего материала, причем в нем сохраняется след старой морфемы *-ищ-* со значением «земля» [88, с. 67] – ср. *Городище, Столбище* и др.

Как видим, префиксально-суффиксальные образования немногочисленны в Белгородской области и составляют примерно 2% названий от всей ойконимии.

1.2. Ойконимы сложных моделей образования

Рассмотренный нами материал, связанный со сложными ойконимами, отражает несколько различных моделей в пределах морфологического способа словообразования, выделяемых современными пособиями [см., например: 12, 33, 34].

Модель 1. Образование сложных ойконимов – существительных способом чистого сложения.

Этим способом образованы ойконимы с интерфиксом (в том числе нулевым), словообразовательное значение которых сводится к объединению значений основ составляющих данное название слов в одно сложное значение. По семантическому соотношению мотивирующих основ такие топонимы образуют три подтипа:

1) **подтип** – сложные названия с семантическим равноправием компонентов, мотивированных основами имен существительных: *с. Гора-Подол* Борис., *с. Покрово-Михайловка* НовОск., *с. Матрено-Гезово* Ал. (ср. *х. Гезов* Ал.);

2) **подтип** – сложные названия с видовым значением первого компонента, мотивированные основами имен существительных: *с. Гусек-Погореловка* Прох. – по отношению к *р. Гусек* (ср. *с. Погореловка* Короч.), *с. Илек-Кошары* Ракит. – по отношению к *р. Илек* (ср. *х. Кошары* Губк.), *с. Илек-Пеньковка* Ракит. – по отношению к *р. Илек*, *с. Солонец-Поляна* НовОск. – по характеру местности (ср. *п. Поляна* Шеб.);

3) **подтип** – сложные названия с атрибутивной семантикой первого компонента, мотивированные основами имени прилагательного и существительного. Ойконимы этого подтипа представлены в нашем материале несколькими разновидностями:

а) сложение основ имени прилагательного и существительного с нулевым интерфиксом: *с. Васильдол* НовОск., *г. Бедгород обл.* Отметим, что эта топонимическая модель была продуктивна у восточных славян уже в IX-X вв. как свидетельство «высокой степени административного и организационного развития» [71, с. 62] – ср. *Новгород* [90, с. 169];

б) сложение основ имени прилагательного и существительного с интерфиксами *О/Е*:

1. с. Большебыково Кргв.
 2. с. Великомихайловка НовОск.
 3. с. Верхнеберезово Шеб.
 4. с. Верхнеяблоново Волок.
 5. х. Верходуб Вейд.
 6. с. Верхососна Кргв. и др.
- Всего – 42

Как видим, сложные ойконимы-существительные, образованные способом чистого сложения с интерфиксами *О/Е*, весьма многочисленны в нашей области. Некоторые из указанных названий демонстрируют высокую степень древности, например: *х. Верходуб*, *хх. Редкодуб*, *с. Великомихайловка*, *с. Верхососна*, *п. Малоржавец* и др.

Особое место среди перечисленных наименований занимает ойконим *п. Викторополь*, который представляет собой сложное существительное со связанным опорным (последующим) компонентом интернационального характера *-поль*. Такие компоненты

используются только как связанные корни в сложениях данной структуры.

Модель 2. Образование сложно-суффиксальных ойконимов-существительных.

Ойконимы – существительные, образованные сложно-суффиксальным способом, разнообразны по времени создания, по семантике производящих основ и словообразовательной структуре, поэтому классифицируем их по нескольким подтипам:

1) подтип – сложные ойконимы с суффиксом *-j-*. При образовании таких названий в качестве первой основы могут выступать основы имен канонических: *с. Борисполье* Ракит., *х. Васильполье* НовОск. В этих сложных наименованиях представлен нулевой интерфикс, что свидетельствует о достаточно древней их словообразовательной модели, причем суффикс *-j-* как словообразующий суффикс уже был малопродуктивен в древнерусский период [71, с. 31].

В других сложных ойконимах с суффиксом *-j-* в качестве первой основы выступают основы имен прилагательных, связанные с русскими/славянскими словообразующими базами: *с. Верхопенье* Ивн. (ср. *с. Нижние Пены* Ракит., *п. Нижнепенский* Ракит.), *п. Доброполье* Борис., *с. Староселье* Ракит., *с. Новоречье* Черн., *п. Чистополье* Ракит.

Все перечисленные названия даны по центральному для селения географическому объекту (например, *с. Верхопенье* расположено в верховьях реки *Пены*).

2) подтип – сложные ойконимы с суффиксом *-овк-/-евк-*. Первую группу здесь составляют ойконимы, образованные от названий церковных приходов и мотивированные сочетаниями канонических имен: *с. Козьмодемьяновка* Шеб. (по названию церкви во имя Святых Козьмы и Демьяна), *сс. Петропавловка* (2) Белг., Черн. (по названию церкви во имя Святых Петра и Павла). Эти названия населенных пунктов своеобразно отложились в сознании носителей южнорусской речи, почему и возникло весьма сходное с названными по модели наименование *х. Петромарьевка* Вал. (на базе сочетания Петр и Марья).

Вторую группу здесь составляют ойконимы, мотивированные словосочетаниями прилагательное + существительное: *х. Криво-межевка* Ров. (на базе словосочетания *кривая межа*), десять названий *Новоселовка* в разных районах (от сочетания *новое село*). Однако можно предположить, что некоторые ойконимы *Новоселовка* образованы от фамильного антропонима *Новоселов*.

Сюда же относим сложный ойконим *с. Новоясеновка* Вал. при соотнесении его с ойконимами *хх. Ясены-Первые, Ясены-Вторые* Ров., хотя в сложном названии *с. Новоясеновка* можно выделить и словообразующий суффикс *-к-*, если соотносить данное наименование с ойконимами *х. Ясенеv* Кргв. или *х. Ясеноv* Вейд.

Особо в этом подтипе рассмотрим несколько других ойконимов. В названии *с. Всесвятка* Ров. в качестве словообразующего суффикса выступает формант *-к-*, а мотивировано наименование населенного пункта названием церковного прихода в честь Всех Святых с диэрезой конечного согласного в первом компоненте сочетания.

Ойконим *с. Старосельцево* Волок. образован сложно-суффиксальным способом на базе сочетания *старое сельцо*.

Название *х. Двуреченка* Ров. образовано на базе сочетания *две реки* с прибавлением суффикса *-енк-*.

Представленный материал содержит единичные образования от баз канонического характера, шире представлены апеллятивные базы русского/ восточнославянского характера.

Модель 3. Образование ойконимов – субстантивированных прилагательных способом чистого сложения.

Этим способом образованы ойконимы-субстантивированные прилагательные с интерфиксом (в том числе нулевым), словообразовательное значение которых сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно единое значение. По характеру семантического соотношения объединяемых основ такие сложные ойконимы делятся на сложения с сочинительным и подчинительным отношением основ, в связи с чем выделяем два подтипа таких наименований:

1) **подтип** – сложные названия-прилагательные с равноправными по смыслу основами: *с. Казачье-Рудченское* Борис. (ср. *с. Казачье* Прох.);

2) **подтип** – сложные образования с подчинительными отношениями компонентов, где опорный компонент равен самостоятельному прилагательному, а компонент, предшествующий основному, носит уточняющий характер, конкретизируя содержание базового компонента. В качестве уточняющего компонента здесь выступают основы прилагательных *больш-, мал-, стар-, нов-, красн-, верх-, низ-*.

Ойконимы этого подтипа представлены значительно большим количеством и выступают в форме двух грамматических родов – мужского и среднего.

Ойконимы в форме мужского рода представлены 12 наименованиями: *х. Красноалексеевский* Белг. (ср. *х. Алексеевский* Вейд.), *х. Краснокрестьянский* Ракит., *х. Красносолдатский* Губк., *п. Малолененский* Кргв. (ср. *п. Ленинский* Шеб.), *п. Новолененский* Ракит., *п. Новониколаевский* Ракит. (ср. *п. Николаевский* Кргв.), *х. Новодевичий* Волок., *х. Новоказацкий* Як. (ср. *с. Казацкое* Як.), *п. Новосадовый* Белг. (ср. *х. Садовый* Ал.), *х. Новотроицкий* Губк. (ср. *р.п. Троицкий* Губк.), *х. Новочеркасский* Як. (ср. *с. Черкасское* Як.). Все перечисленные названия селений сложились под влиянием родового понятия *поселок* или *хутор*.

В форме среднего рода употребляются 8 ойконимов: *с. Большетроицкое* Шеб. (ср. *с. Малотроицкое* Черн.), *с. Верхнеатаманское* Стоск. (ср. *с. Нижнеатаманское* СтОск.), *с. Малотроицкое* Черн. (при *с. Большетроицкое* Шеб.), *с. Нижнеатаманское* Стоск. (при *с. Верхнеатаманское* СтОск.), *с. Новоказацкое* Вал. (ср. *с. Казацкое* Як.), *с. Новокладовое* Губк. (ср. *с. Кладовое* Губк.), *с. Стародубовое* НовОск. (ср. *с. Дубовое* Белг.), *с. Старохмелевое* Черн. (ср. *хх. Хмелевое* в др. районах). Названия указанных селений сложились в данном случае под влиянием родового понятия *село*.

Модель 4. Сложно-суффиксальные ойконимы – субстантивированные прилагательные.

При образовании ряда сложных ойконимов в топонимической системе Белгородской области используются суффиксы *-ск-*, *-н-*. Такие ойконимы могут мотивироваться либо целым словосочетанием, либо другим простым ойконимом с уточняющим определением.

В зависимости от использованного суффикса распределим сложные ойконимы – субстивированные прилагательные по подтипам:

1) подтип – сложно-суффиксальные ойконимы-прилагательные, в образовании которых участвует суффиксальный морф *-ск-*. Такие названия представлены в форме двух грамматических родов – мужского и среднего.

Ойконимы мужского рода: *п. Веселолопанский* Белг. (ср. *с. Веселая Лопань*), *п. Краснооктябрьский* Ивн. (ср. *х. Красный Октябрь* Ивн.), *п. Нижнепенский* Ракит. (ср. *с. Нижние Пены* Ракит.), *х. Новорепяховский* Ракит. (ср. *с. Репяховка* Ракит.), *п. Новозинаидинский* Ракит. (ср. *с. Зинаидино* Ракит.), *пп. Первомайский* Губк., Ракит., СтоОк., *хх. Первомайский* Ал., Волок., Ров. (всего 8 наименований *Первомайский*).

Как видим, в ойконимах *Веселолопанский, Краснооктябрьский, Нижнепенский* мотивирующими являются бинарные названия селений нашей области. Названия *х. Новорепяховский* и *п. Новозинаидинский* образованы на базе простых ойконимов в сочетании с уточняющим компонентом *ново-*. Для ойконима *Первомайский* возможна множественная мотивация: либо в его основе лежит название праздника *Первое Мая*, либо в качестве производящей базы взята основа существительного *Первомай*.

Ойконимы среднего рода: *с. Красногвардейское* Кргв., где в качестве мотивирующей базы выступает словосочетание *красная гвардия*; *х. Первомайское* Ракит., где, как указывалось выше, возможна множественность мотивации.

2) подтип – сложно-суффиксальные ойконимы-прилагательные, в образовании которых участвует суффиксальный морф *-н-*. Такие названия представлены в форме среднего рода: *с. Бело-*

местное Белг., *с. Новооскочное* Як., *с. Новохуторное* Кргв., *с. Двулучное* Вал., *с. Триречное* Як.

Ойконим *Беломестное* мотивирован словосочетанием *белое место*; название *с. Новохуторное* можно соотнести с ойконимом *Старый Хутор*, когда для образования сложного названия используется уточняющий компонент *ново-*.

Ойконимы *с. Двулучное*, *с. Триречное* образованы на базе сочетания имени числительного с существительным при использовании суффикса *-н-*.

Название *с. Новооскочное* соотносим с ойконимом *Оскочное* Воронежской области, для которого исходной базой выступает основа глагола *отскочить* в значении «отселиться».

К ойконимам данного подтипа относится одно название в форме мужского рода: *п. Плодоваягодный* Короч., образованный на базе сочетания слов *плоды* и *ягоды* при использовании суффиксального морфа *-н-*.

Как видим, описанный в этом разделе материал, связанный со сложными названиями, показывает, насколько разнообразны типы и виды ойконимов сложных моделей образования, в которых представлены различные по семантике производящие базы или их компоненты.

В целом ойконимы сложных моделей образования составляют примерно 7% от всей ойконимии области.

§ 2. Ойконимы, образованные морфолого-синтаксическим способом

Весьма продуктивным для белгородской ойконимии является морфолого-синтаксический способ образования. Сущность этого способа при образовании топонимов заключается в ойконимизации имен прилагательных, которую надо понимать как субстантивацию, так как ойконимы – это имена существительные. При субстантивации происходит так же, как и в апеллятивной лексике, переобразование парадигмы, изменение лексической и синтаксической сочетаемости, образование новых словообразовательных связей, и, в первую очередь, изменение семантики слова. Например, прилага-

тельные *Зеленое, Веселое Долгое, Теплое*, использованные в Белгородской области как названия сел, не имеют того значения, которое им свойственно в их обычном, доойконимическом употреблении. Эти слова обозначали признаки, названия которых по различным причинам стали наименованиями населенных пунктов, но в этой новой функции они потеряли свое прежнее значение и приобрели новое, топонимическое.

Продуктивность субстантивированных прилагательных в топонимии вообще, и в частности в ойконимии, объясняется не только категориальным значением слов этой группы, но и гибкостью ее морфологической структуры и свободой синтаксической сочетаемости; ойконимы-прилагательные способны принимать грамматический род номенклатурного слова, относящего ойконим к определенной группе населенных пунктов: *п. Красивый, с. Красное, х. Быстрый*.

Такие топонимы обладают обычно коннотацией, характеризующим признаком, положенным в основу названия географического объекта или окружающей его среды. Это может быть указанием на особенности рельефа, почвы, флоры, фауны и т.п.

Белгородские ойконимы, образованные морфолого-синтаксическим способом, могут быть мотивированы как субстантивированными прилагательными от непроеизводных основ, так и субстантивированными прилагательными от производных основ с различными суффиксами. В связи с этим характеризуем исследуемый материал в зависимости от морфемной структуры исходного прилагательного.

1. Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными от непроеизводных основ, представлены в нашем материале в форме двух грамматических родов – мужского и среднего.

Ойконимы мужского рода

1. х. Богатый НовОск.
2. х. Быстрый Белг.
3. х. Веселый НовОск.
4. х. Малый Черн.
5. п. Новый Волок.
6. х. Плоский Губк. и др.

Всего – 33

Все ойконимы этой группы сочетаются с видовым понятием *поселок* или *хутор*. В большинстве случаев мотивирующим здесь являются прилагательные пространственного или временного значения, которые как-то напоминают о признаке, положенном в основу названия географического объекта, например: *х. Высокий*, *х. Долгий*, *х. Малый*, *п. Новый*, *х. Старый* и др. Реже используются прилагательные, обозначающие субъективно-оценочные признаки, например: *х. Веселый*, *х. Красивый*, *х. Хороший*.

Ойконимы среднего рода

1. с. Богатое Ивн.
 2. с. Большое Черн.
 3. с. Веселое Кргв.
 4. с. Красное Як.
 5. с. Крутое СтОск.
 6. с. Новое Волок. и др.
- Всего – 28

Ойконимы этой группы в своем большинстве сочетаются с термином *село*, хотя в трех случаях наблюдаются исключения: *х. Высокое* (при *х. Высокий* в др. р-не), *п. Красное*, *х. Плоское* (при *х. Плоский* в др. р-не). Семантика мотивирующих прилагательных здесь также различна.

2. Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными от производных основ, различаем по выявленным в них суффиксам:

а) Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-н-*, представлены в нашем материале в форме трех грамматических родов.

Ойконимы мужского рода

1. х. Бережной Ал.
 2. х. Лесной Белг.
 3. х. Благодатный Волок.
 4. х. Верный Волок.
 5. х. Дружный Як.
 6. х. Церковный Белг. и др.
- Всего – 37

Ойконимы этой группы отражают различные географические и природные особенности селений, например: *х. Бережной, х. Лесной, х. Степной, х. Холодный* и др.

Некоторые названия этой группы связаны с историей края, хозяйственной деятельностью населения в прошлом и настоящем, например: *х. Рубежный, п. Пасечный, п. Свекловичный, п. Совхозный*.

Намного реже в таких ойконимах используются прилагательные, обозначающие «психологические признаки» [термин использует

М.Н. Морозова], например: *х. Благодатный, х. Верный, х. Дружный, х. Приветный, х. Приметный, х. Роскошный*. Здесь наблюдается условная связь признака с объектом, и возможно, такие названия следует отнести к «пожелательным».

Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-н-*, в форме женского рода представлены в нашем материале только двумя названиями: *с. Лозная* Ров. (при наличии *с. Лозное* Черн.) и *с. Песочная* СтОск. (при наличии *с. Песчаное* Ивн.). Вероятно, ранее эти ойконимы соотносились с видовым термином *деревня*, а не *село*, как в настоящее время.

Ойконимы среднего рода

1. *х. Алмазное* Белг.
2. *с. Артельное* Шеб.
3. *с. Глинное* Носк.
4. *с. Прелестное* Прох.
5. *с. Пушкарное* Белг.
6. *с. Ракитное* Ракит. и др.

Всего – 49

Широкая употребительность прилагательных в среднем роде объясняется исторически тем, что более общим термином было слово *селение*. Этот термин потом дифференцируется в зависимости от различия видов данных поселений (в нашем материале – *поселок* или *хутор*).

Семантика производящих баз представленных ойконимов весьма разнообразна.

б) Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-ов-*, представлены в нашем материале в форме двух грамматических родов – мужского и среднего.

Ойконимы мужского рода

1. х. Береговой Ивн.
2. х. Дубовой Прох.
3. х. Кленовой Ров.
4. х. Клиновой Борис.
5. х. Клиновый Прох.
6. х. Ключевой Шеб.
7. п. Полевой Носк.
8. х. Роговой Як.
9. х. Садовый Ал.

Как видим, ойконимы этой группы немногочисленны и отражают только природно-географические особенности селений. Заметим, что ойконимы *х. Кленовый* и *х. Клиновый* соотносятся с одним и тем же базовым компонентом – лексемой *клен*, во втором случае с отражением на письме предупредной позиции звука [э]. Ойконим же *х. Клиновой* при наличии в Белгородской области *с. Клиновец* Короч. и *х. Зеленый Клин* соотносится с лексемой *клин* (см. § 1, гл. 1).

Ойконимы среднего рода

1. с. Боровое НовОск.
- 2-3. сс. Вязовое Прох., Ракит.
4. с. Горовое Кргв.
5. с. Мелавое Губк.
6. с. Меловое Ракит.
7. с. Мешковое Шеб. и др.

Всего – 29

В некоторых ойконимах этой группы наблюдается нарушение согласования с видовым понятием, обозначающим род поселения, например: *п. Дубовое* (при *х. Дубовый*), *х. Крестовое*, *п. Луговое*, *х. Шляховое* (при *х. Шлях*).

в) Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-ан-/-ян-*, представлены в белгородской ойконимии только тремя названиями: **xx. Водяной** (2) Белг., **х. Водяное** Черн., **с.,х. Песчаное** Ивн., Короч. (при наличии **сс. Песчанка** НовОск., СтОск.).

г) Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-ин-*, представлены одним названием: **х. Журавлиное** Як. (при наличии в БО **с. Журавлевка** Белг.).

д) Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-л-*, зафиксированы в нашем материале в одном случае: при повторяющемся названии **с.,х. Круглое** (2) Ал., Борис. (при наличии **х. Кругленькое** Короч.).

е) Ойконимы-субстантивы с суффиксом *-ок-*: **xx. Широкий** (3) Белг., Прох., Шеб., **с. Широкое** Ал. Эти названия дифференцируются по грамматическому роду термина, обозначающего вид поселения.

ж) Ойконимы-субстантивы с суффиксом *-еньк-*: **с. Беленькое** Борис., **х. Голенькое** Короч., **х. Кругленькое** Короч., **с. Новенькое** Ивн., **х. Тоненькое** Короч.

Отметим, что суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением для топонимии в целом и ойконимии, в частности, малопродуктивны.

з). Ойконимы, мотивированные субстантивированными прилагательными с суффиксом *-j-*: **х. Борсучий** Ров., **xx. Волчий** (2) Вейд., Ров., **х. Медвежье** Черн. Первоначально эти названия – прилагательные выражали значение принадлежности того, что обозначено в производящей основе. Теперь данные ойконимы имеют вторичное топонимическое субстантивированное значение.

3. Особую группу образуют ойконимы, мотивированные субстантивированными отглагольными прилагательными, представленные в нашем материале формами двух грамматических родов – мужского и среднего.

Ойконимы мужского рода

1. х. Высыпной Прох.

2-4. xx. Гремучий (3) в разных районах.

5. х. Гремячий Шеб.
6. х. Крученный Короч.
- 7-8. хх. Попасный Вейд., НовОск. (ср. хх. Попасное Вал., Кргв.)
9. х. Пыточный Волок.
10. х. Севальный НовОск.

Особое внимание обращаем на название *х. Пыточный*, так как считаем его одним из древнейших топонимов Белгородской области, о чем свидетельствует отрицательная эмоциональная окраска ойконима, вытекающая из доойконимического значения образующей базы.

Название *х. Севальный* связано с основой глагола *сеять/севать* «сажать или рассыпать семена» [Даль, 4, с. 379].

Ойконимы *х. Гремучий* и *х. Гремячий*, возможно, перенесены с названий протекавших близ селений ручьев.

Ойконимы среднего рода

1. с. Вислое Як.
2. с. Выезжее Ивн.
3. х. Гороженое Короч.
4. х. Зарытое Ракит.
5. с. Зимовное Шеб.
- 6-7. сс. Мощное Борис., Як.
8. с. Огибное Черн.
- 9-10. хх. Попасное Вал., Кргв.
11. с. Проходное Короч.
12. х. Россыпное Вейд.
13. х. Спорное Короч.
14. с. Сторожевое Прох.

Доойконимическая семантика производящих баз приведенных здесь названий довольно прозрачна. Рассматривая механизм номинации населенного пункта, видим, что первоначально в сознании носителей языка выделялся какой-либо характерный признак объекта. Например, название *с. Выезжее* показывает, что в эти места выезжали сторожевые посты.

В целом к морфолого-синтаксическому способу образования в белгородской ойконимии относятся 232 названия, что составляет примерно 14 %. Абсолютное большинство анализируемых субстантивированных прилагательных образовано от основ имен существительных, только в 24 случаях представлены отглагольные образования. Непроизводные основы имен прилагательных в ойконимах-субстантивах употреблены в 61 наименовании, остальные 147 названий представляют собой производные прилагательные, образованные суффиксальным способом, где в составе топонимов используются суффиксы. Словообразовательная структура белгородских ойконимов, созданных морфолого-синтаксическим способом, соотносится с описанием подобных моделей у других авторов [см., например: 53, с. 119].

В качестве исходных основ субстантивных названий в нашем материале чаще всего используются апеллятивы природно-географического характера, реже - субъективно-оценочные слова.

§ 3. Ойконимы, образованные лексико-синтаксическим способом (составные наименования)

В нашей области, как и в других областях с преобладанием русского населения, имеют место не только моноксемные, но и двух-трех компонентные ойконимы, образованные лексико-синтаксическим способом.

«Под лексико-синтаксическим способом словообразования подразумевается возникновение новых слов в результате сращения в одно слово двух или более соположенных лексических единиц в процессе их употребления в языке» [96, с. 267]. Так как словосочетание единица синтаксического уровня, на базе которой образуется ойконим, или ойконимическая лексема, то мы считаем возможным использовать этот термин, тем более, что он имеет применение при словообразовательном анализе топонимического материала [см., например: 48, с. 36, 55; 79, с.70]. В результате таких образований возникает ойконим-словосочетание, которому «присуще смы-

словое и структурное грамматическое единство, приравнивающее словосочетание к слову: оно является одним членом предложения и функционирует в речи в качестве составного наименования» [37, с. 31].

В топонимике подобные названия имеют несколько обозначений: топонимы-словосочетания (В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Г.П. Бондарук) или названия-словосочетания (Н.К. Фролов, В.М. Лопаткин), составные топонимы (С. Роспонд, В.Д. Бондалетов, Е.А. Черепанова), а также особо выделяются топонимы – номинативные словосочетания (В.И. Тагунова). В нашем материале преобладающими являются двусловные названия; такие ойконимы мы называем бинарными, чтобы выделить их двукомпонентность, ибо составные наименования могут содержать и большее количество слов.

Бинарные ойконимы Белгородской области по характеру компонентов представлены несколькими моделями и их разновидностями.

Модель 1. Существительное + существительное

В нескольких случаях эта модель представлена названиями, где семантические отношения зависимости компонентов стерты при превращении в ойконим устойчивых фраз советского периода: *п. Заря Социализма* Черн., *п. Клич Борьбы* Черн. С этой моделью сходны трехкомпонентные ойконимы *х. Заря Новой Жизни* НовОск., *п. Пламя Новой Жизни* Черн., в которых атрибутивную роль играет сочетание двух последних слов.

В двух ойконимах этой модели нарицательное слово – *личное имя* в родительном падеже входит в официальное наименование селения: *х. Имени Калинина* Ал., *х. Имени Ленина* Короч.

В одном случае представлено эллиптированное название населенного пункта без слова *имени*: *п. Крупской* Черн.

Модель 2. Атрибутивно-именные бинарные ойконимы

Данная модель достаточно известна в русской топонимии [см., например: 53, с. 118]. «Способность прилагательного к слиянию в

одно смысловое целое с определяемым существительным – выражение системно обусловленное в русском языке, и это свойство с древнейших времен используется для обозначения населенных пунктов» [37, с. 36].

В нашем материале такие ойконимы представлены несколькими группами:

1 группа - атрибутивный компонент в бинарном топониме указывает на принадлежность или отношение.

Такие ойконимы в своем составе могут содержать краткие формы прилагательных, что является признаком древних восточнославянских топомоделей: *с. Бобровы Дворы* Губк., *х. Жилин Колодезь* Губк., *с. Куликовы Липяги* Вейд., *с. Маслова Пристань* Шеб., *х. Морозова Балка* НовОск., *х. Попов Верх* Губк., *х. Редины Дворы* Як.

В некоторых ойконимах этой группы атрибутивный компонент представлен полной формой имени прилагательного, что свидетельствует о более позднем характере таких названий: *х. Алексеевский Выселок* Короч., *п. Батрацкая Дача* Шеб., *х. Брянские Липяги* Вейд., *с. Волчья Александровка* Волок, *с. Ивановская Лисица* Борис., *х. Коренская Дача* Шеб., *х. Череновские Выселки* Ивн. (ср. *с. Череново* в том же р-не).

2 группа – атрибутивный компонент в бинарном ойкониме указывает на время заселения, то есть представлен прилагательными *старый/новый*. Такие названия показывают разграничение более старых и новых поселений.

Часть подобных ойконимов образует соотносительные пары: *с. Старая Безгинка* – *с. Новая Безгинка* НовОск., *с. Старая Глинка* – *с. Новая Глинка* Як., *с. Старая Ивановка* – *х. Новая Ивановка* Ров. и др.

Некоторые бинарные ойконимы с компонентом *новый* в нашем материале соотносятся лишь с однословными названиями: *с. Новая Наумовка* Белг. – *с. Наумовка* того же р-на, *с. Новая Орловка* Белг. – *с. Орловка* того же р-на.

Подобные модели бинарных ойконимов с атрибутивными компонентами *старый/новый* представлены и в других смежных облас-

тях, например: в Воронежской области - *сс. Старый Синец и Новый Синец*, в Харьковской - *сс. Старая Водолага и Новая Водолага*, в Курской – *сс. Старая Головинка и Новая Головинка*.

3 группа – атрибутивный компонент в бинарном названии указывает на размер селения, то есть представлен прилагательными *большой/малый*.

Несколько названий с этими атрибутивными компонентами образуют соотносительные пары: *с. Большое Городище* Шеб. – *с. Малое Городище* НовОск., *с. Большая Ивановка* НовОск. – *с. Малая Ивановка* того же р-на.

Несколько ойконимов с атрибутивным компонентом *малый* соотносятся лишь с монолексемными названиями: *х. Малое Бубново* Короч. – *с. Бубново* того же р-на; *с. Малые Маяки* Прох. - *х. Маяки* Вейд.; *п. Малый Присынок* СтОск. – *с. Присынки* Губк.

4 группа – атрибутивный компонент в бинарном наименовании указывает на местоположение селения относительно течения реки или возвышенности, то есть представлен прилагательными *верхний/нижний*: *х. Верхняя Гусынка* Прох. – *х. Нижняя Гусынка* того же р-на; *с. Верхнее Кузькино* Черн. – *с. Нижнее Кузькино* того же р-на; *с. Верхние Лубянки* Волок. – *с. Нижние Лубянки* того же р-на.

В этой группе бинарных ойконимов отметим трехчленный соотносительный ряд: *с. Верхние Лубянки* Волок. – *с. Средние Лубянки* того же р-на. – *с. Нижние Лубянки* того же р-на.

Некоторые ойконимы с компонентами *верхний/нижний* не имеют в нашей области соотносительной пары: *х. Верхние Бударки* Кргв., *х. Нижние Мельницы* Вал., *с. Верхний Мосей* Вал.

Подобные модели бинарных ойконимов характерны и для других территорий России, например: в Калужской области – *Верхняя Каменка, Нижняя Каменка* [48, с. 56], в Воронежской области – *Верхний Ольшан, Нижний Ольшан* [29, с. 73].

Подробный анализ различных русских топонимов, входящих в соотносительный ряд «верхний» – «нижний», представлен в работе В.В. Кондрашиной [38, с. 29-35].

5 группа – атрибутивный компонент в бинарном названии указывает на близость/удаленность селения по отношению к какому-либо объекту, то есть представлен прилагательными *ближний/дальний*.

В Белгородской области отмечены следующие соотносительные пары таких топонимов: *х. Ближние Россошки* Ал. – *х. Дальние Россошки* того же р-на; *с. Ближняя Игуменка* Белг. – *с. Дальняя Игуменка* Короч.

В соотносительную пару с немаркированным членом включен ойконим *с. Дальняя Ливенка* Губк. при *с. Ливенка* Кргв.

Не имеет в этой группе соотносительной пары ойконим *х. Дальний Лес* Шеб.

6 группа – атрибутивный компонент в бинарном наименовании указывает на протяженность объекта, название которого легло в основу ойконима, то есть представлен прилагательными *долгий/короткий*: *с. Долгая Поляна* СтОск., *п. Долгая Яруга* Черн., *х. Долгий Бродок* Короч., *х. Короткая Балка* Короч.

Именные компоненты в бинарных ойконимах этой группы представлены МГТ, что дает возможность сопоставить их с другими бинарными названиями Белгородской области, в которых именная часть – тот же географический термин: *с. Долгая Поляна* СтОск. – *с. Зеленая Поляна* Белг. – *сс. Красная Поляна* (3) Ивн., Черн., Шеб. – *х. Ясная Поляна* Прох. – *п. Поляна* Шеб.; *п. Долгая Яруга* Черн. – *р. п. Красная Яруга* Ракит. – *х. Проезжая Яруга* НовОск. (попутно отметим населенный пункт *Каменная Яруга* в Харьковской области); *х. Короткая Балка* Короч. – *х. Дубовая Балка* Короч. – *с. Кривые Балки* Прох. – *х. Балки* Шеб.; *х. Долгий Бродок* Короч. – *сс. Бродок* Белг., СтОск.

7 группа – именная часть в бинарных названиях представлена различными МГТ (местными географическими терминами).

В нашем материале многочисленны бинарные названия с гидрографическим термином *колодезь/колодець*: *сс. Белый Колодезь* (3) Вейд., НовОск., Шеб., *с. Белый Колодець* Ал., *с. Неведомый Колодезь* Як., *с. Студеный Колодець* Ал., *с. Теплый Колодезь* Губк., *х. Холодный Колодець* Губк.

В некоторых названиях именная часть представлена оронимическим термином *лог*: *с. Крутой Лог* Шеб., *х. Липовый Лог* НовОск., *х. Мокрый Лог* Вал., *х. Сенной Лог* Черн., *х. Рубежный Лог* Черн., *п. Сухой Лог* Ракит.

В нескольких бинарных ойконимах именная часть представлена диалектной лексемой *остров*: *п. Зеленый Остров* Ракит., *п. Красный Остров* Черн.

В двух бинарных ойконимах географические термины встречаются единично: *хх. Красная Долина* (2) Вал., НовОск., *п. Осенний Бугор* НовОск.

По этой же модели образованы некоторые топонимы украинского характера: *х. Зеленый Гай* Короч., *х. Красная Ливада* Ал., *х. Пригородные Тополы* Вал., *с. Чернова Дибровка* Шеб.

8 группа – атрибутивно-именные бинарные ойконимы идеологического характера: *п. Красная Звезда* Черн., *х. Красная Нива* Волок., *х. Красное Знамя* Прох., *х. Красный Восток* Як., *х. Красный Май* Короч.

Топонимы этой группы являются более поздними наименованиями по отношению к основной массе ойконимов Белгородской области, но каждое из таких названий связано с традиционными моделями русских/восточнославянских составных топонимов.

Модель 3. Местоимение + существительное

Такой ойконим в нашей области единичен: *х. Наша Нива* Черн.

Модель 4. Прилагательное + субстантивированное прилагательное

1 группа – бинарные названия, входящие в ряды противопоставлений или разграничений: *с. Большое Песчаное* Короч. (при наличии *х. Песчаное* в том же р-не и *с. Песчаное* Ивн.), *х. Большое Становое* Губк. (при наличии *хх. Становое* (4) и *с. Становое* в разных районах). Соотношения селений по величине к настоящему времени могут быть иными, но эти ойконимы отражают их былую соотношенность, например: *с. Малое Песчаное* Короч. явно вторично по отношению к приведенному выше *с. Большое Песчаное* Короч.

2 группа – бинарные названия, в составе которых по отношению к какому-то пункту используются слова *ближний/дальний*: *с. Ближнее Чесночное* Ал., *с. Дальнее Чесночное* Ал. (отметим, что монолексемного ойконима *Чесночное* в нашей области нет).

3 группа – бинарные ойконимы, в которых дифференцируются названия селений по именованию жителей: *с. Казачье-Рудченское* Борис.

Модель 5. Бинарные ойконимы с порядковым числительным

В нашем материале такие названия населенных пунктов отражают последовательность образования селений от уже ранее существовавших и представлены несколькими разновидностями.

1 группа – существительное + порядковое числительное

1. с. Александровка-Первая Ракит.

2. п. Александровка-Вторая Ров.

3. х. Березняги-Первые Ал.

4. х. Березняги-Вторые Ал.

5. с. Журавка-Первая Прох.

6. с. Журавка-Вторая Прох.

7. с. Заречье-Первое Борис.

8. с. Заречье-Второе Борис. и др.

Всего – 38

В перечисленных ойконимах употребляются порядковые числительные *первый/второй*, которые включены в наименования населенных пунктов обычно одного и того же района, кроме названий *с. Александровка-Первая* Ракит. и *п. Александровка-Вторая* Ров. Для ойконима *Наумовка-Вторая* Белг. нет соотносимого названия с компонентом *первая*, но наличие в ойкониме числительного *вторая* объясняется существованием в том же районе населенного пункта *Наумовка*.

Ойконим *Палатовка-Вторая* Кргв. соотносится с названием *с. Палатово* того же района.

Для ойконима *Польниково-Первое* Ал. в настоящее время нет соотносимого названия.

Только в одном случае в соотносимых названиях использовано порядковое числительное *третий*: *х. Черемхов-Первый, х. Черемхов-Второй, х. Черемхов-Третий* – все в Ровеньском районе.

К модели ойконимов **существительное + порядковое числительное** относятся два украинских названия селений Белгородской области: *х. Остапенко-Первый* Короч. и *х. Остапенко-Второй* Короч.

2 группа – числительное + субстантивированное прилагательное: *с. Первое Цепляево* Шеб. и *с. Второе Цепляево* Шеб.

3 группа – субстантивированное прилагательное + порядковое числительное: *с. Береговое-Первое* Прох. и *с. Береговое-Второе* Прох., *х. Волчий-Первый* Волок. и *х. Волчий-Второй* Волок., *х. Дружный-Первый* Короч. и *х. Дружный-Второй* Короч., *с. Лубяное-Первое* Черн. и *с. Лубяное-Второе* Черн.

Перечисленные ойконимы соотносятся с помощью порядковых числительных *первый/второй*, которые употребляются в названиях населенных пунктов всегда одного и того же района.

4 группа – числительное + существительное. Сюда относим ойконим *х. Первый Ложок* Губк., который в нашем материале не имеет соотносительного или однословного субстантивного ойконима.

Изложенный в этом разделе материал показывает значительное разнообразие моделей бинарного характера, что свидетельствует о разном времени формирования этих ойконимов. Наиболее поздними являются названия с порядковыми числительными, наиболее древними – содержащие краткие/нечленные прилагательные.

В целом составные топонимы-названия населенных пунктов занимают примерно 12 % в ойконимической системе Белгородской области.

§ 4. Ойконимы, образованные лексико-семантическим способом

Одним из самых старых способов образования географических названий является лексико-семантический способ, сущность которого заключается в образовании ойконима от имеющегося слова апеллятивной лексики без изменения его структуры, путем создания омонима, – метонимического переноса названия с одного объекта на другой по смежности, или метафорического переноса названия с предмета на географический объект по условной связи.

В ойконимии исследуемого региона лексико-семантический способ используется в его метонимической разновидности применительно к старой ойконимии и метафорической – применительно к топонимам социалистической эпохи. В качестве образующих основ избираются терминологические слова различных групп (*поляна – н. Поляна, раздол – н. Раздол*), гидронимические лексемы (*р. Топлинка – с. Топлинка*), абстрактные лексемы (*дружба – н. Дружба, рассвет – х. Рассвет*). При этом способе словообразования, как отмечают исследователи [см.: 79, с. 69], характерна также «чистая» трансонимизация, то есть переход имен собственных из одних разрядов в другие (например, антропонимов или гидронимов в ойконимы).

Правила образования ойконимов данного типа, потенциальный параллелизм развития значений свидетельствуют не только об очерченности словообразовательных границ подобных названий, но и о монолитности самих процессов топонимообразования. Причем такие топонимы всегда находятся в прямой зависимости от традиций наименования географических объектов, известных у русского населения, что весьма важно для нашего материала.

Ойконимы лексико-семантического способа образования мы распределяем по двум моделям словопроизводства: ойконимы-сингулятивы и ойконимы-плюративы.

Модель 1. Ойконимы-сингулятивы

1. х. Бабка Вал.

2. х. Березник Прох.
 3. с. Борсук НовОск.
 4. х. Братство Ал.
 - 5-6. сс. Бродок Белг., СтОск.
 7. с. Валуй Кргв.
 8. с. Валуйчик Кргв.
 - 9-10. хх. Вершина Борис., Прох.
 - 11-13. с.,х. Городище Короч., Ал.
 14. х. Кругляк Волок.
 15. с. Крюк НовОск.
 16. х. Лугань Короч.
 17. х. Луч Ракит.
 18. с. Лучка Вал.
 19. х. Надежда Вейд.
 - 20-21. п., х. Нива Ракит., Прох.
 22. х. Нина Волок.
 23. с. Осколец Губк. и др.
- Всего – 90

Большая часть таких ойконимов образована лексико-семантическим способом в его метонимической разновидности, где в качестве образующих основ выступают:

а) географические (общелитературные и местные) термины: *х. Березник, с. Бродок, х. Вершина, х. Дубравка с. Ерик, х. Плотвянка, х. Пролесок, с. Тростенец, х. Колок, с. Лучка, х. Лугань, х. Раздолье* и др. названия;

б) гидронимы: *с. Валуй – р. Валуй, с. Валуйчик – р. Валуйчик, с. Донец – р. Северский Донец, п. Ивенка – р. Ивинка, х. Коренек – р. Коренек, г. Короча - р. Короча, с. Осколец – р. Осколец, с. Сеймица – р. Донецкая Сеймица, с. Топлинка – р. Топлинка.*

Активное участие гидронимов в образовании ойконимов объясняется значением водных источников для жизни человека и популярностью их названий, в силу чего они переносились на населенные пункты. Как правило, названия водных объектов древнее названий населенных пунктов. «Направление древних передвижений обычно определялось водным путем. Близость воды являлась

одним из важнейших условий поселения. Естественно поэтому, что сначала появилось название реки или озера, а затем от него образовалось наименование города или деревни» [16, с. 32].

Реже ойконимы этой группы образуются путем метафоризации от названий идеологического плана: *х. Братство, п. Дружба, п. Искра, х. Коминтерн, х. Коммуна, х. Победа, х. Привет, х. Рассвет, х. Труд*. В этой группе используется обычно абстрактная лексика с элементами эмоциональной окраски.

Отдельно выделяем здесь ойконим *х. Нина* (ср. с. *Ниновка*), который восходит к каноническому имени.

Название *х. Надежда* можно рассматривать как образование с множественной мотивацией - от личного имени или от абстрактного существительного.

В целом же ойконимы-сингулятивы ориентированы на местности по реке, по рельефному признаку, по растительности и т. п.

Модель 2. Ойконимы-плюративы

Данная модель образования ойконимов представляет собой такое словопроизводство, при котором создаются наименования в форме множественного числа (плюралиа тантум), приобретающие собирательное значение. Плюрализация представляет собой результат топонимизации имен существительных в форме множественного числа. Здесь флексия выполняет особую роль, свидетельствует о топонимизации данной формы слова, то есть имеет синкретическое значение. Для работ в области топонимии является главным именно второе из совмещенных значений.

Форма множественного числа не всегда обозначает, конечно, множественность, а чаще помогает отличить топоним от апеллятива, так как связь ойконима с соответствующим географическим объектом идет именно через апеллятив, например: *лес – с. Лески, бор - с. Борки, родник - х. Родники, дуб – п. Дубки*.

Морфемная структура большинства из ойконимов-плюративов, как и их семантика, близка наименованиям сингулярия тантум. Но наряду с безаффиксными ойконимами и аффиксальными образованиями здесь выделяем эллиптированные наименования [см. по дру-

гим регионам: 18], хотя на синхронном уровне не всегда возможно определение подобных фактов.

Такие ойконимы имеют антропонимическую базу, так как образованы от фамилий или прозвищ: *х. Авилы* Черн., *х. Демиденки* Белг., *х. Ереминки* Белг., *с. Ильины* СтОск., *х. Мартынцы* Ров., *х. Мирошники* НовОск., *х. Науменки* Борис., *с. Петровки* Губк., *х. Сафоны* Борис., *х. Тарасенки* Борис., *с. Яропольцы* Вейд. (всего 11 названий).

Большая часть ойконимов-плюративов образована от неканонических топооснов, в роли которых выступают слова географической апеллятивной лексики и местной географической терминологии, зоонимической и фитонимической лексики, а также слова других семантических групп:

1. *х. Балки* Шеб.
- 2-3. *хх. Березки* Ал., НовОск.
4. *х. Бондари* Белг.
5. *с. Борки* Вал.
6. *с. Боровки* НовОск.
7. *х. Бубны* Ракит.
8. *х. Верзунки* Белг.
9. *х. Ворожбиты* Борис.
10. *п. Выселки* Кргв.
11. *х. Ключи* НовОск.
- 12-13. *хх. Ключники* Белг.
14. *с. Копанки* Ров.
15. *с. Кочегуры* Черн.
16. *х. Кочки* Губк.
17. *х. Кусты* Прох.
- 18-19. *хх. Кучугуры* Вал., Ров.
20. *с. Лавы* Вал.
21. *с. Лески* Прох. и др.

Всего – 91

Ойконимы типа *х. Дары*, *х. Зарницы* являются примерами метафорического переноса по условной связи абстрактного понятия и географического объекта.

Название *х. Ворожбиты* соотносим с именовани*ем* жителей-переселенцев из *г. Ворожбы* на Украине (ср. *московиты*).

В целом в этом структурном типе преобладающее место принадлежит отапеллятивным образованиям, преимущественно природно-географического характера. Такие названия могут быть отнесены к ранним образованиям.

Таким образом, источники образования ойконимов лексико-семантическим способом разнообразны по семантике образующих основ, причем отбор определенных типов основ исторически изменяется.

В ойконимии исследуемого региона на лексико-семантический способ словопроизводства приходится примерно 11 % от всех образований.

Итак, в ойконимии Белгородской области используются избирательно те же словообразовательные способы, которые свойственны русскому языку, и в частности русской/восточнославянской топонимии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональный подход к исследуемому материалу, при котором изучались все ойконимические единицы Белгородской области на данное время, в некоторой степени позволил увидеть действие принципов ономастической номинации, процесс рождения слова, действие языковых и внеязыковых факторов в ономастике, обусловленность ойконимии экстралингвистическими факторами, принципы организации топонимических единиц, динамику развития ойконимической системы края под влиянием социально-исторических условий жизни общества в течение последнего столетия.

Достаточно ясная с синхронной точки зрения семантика образующих основ большинства ойконимов изучаемой территории позволила распределить исследуемый материал (около 1700 наименований) по двум тематическим группам: названия естественно-географического характера и названия культурно-исторического характера.

В ходе исследования выяснено, что основным источником образования естественно-географических ойконимов являются апеллятивная лексика и местные географические термины. Такие названия характеризуются вторичностью происхождения сравнительно с апеллятивными лексемами, так как определяют особенности географического или природного положения населенного пункта относительно смежных объектов естественного ландшафта, по названиям которых они получили свои именованья (*х. Залесье, с. Бродок, с. Гора-Подол, х. Березки*).

Отметим, что с точки зрения происхождения в исследовании четко определилась базовая апеллятивная лексика общеславянских, общевосточнославянских и общерусских корней. Наряду с этим в ойконимах, образованных от местных географических терминов, сохранились исчезнувшие из современного языка слова (*линяг* «овраг с лесом» – *х. Липяги*; *плота* «лог или балка» – *с. Плота*; *пристен* «крутой, обрывистый берег реки» – *с. Пристен*).

В некоторых случаях наш материал позволил сопоставить ойконимию Белгородчины с топонимическими единицами сопредельных областей (Воронежской, Курской), Украины (Харьковская, Сумская области) и иногда – Беларуси. Названия, объединяющие нашу территорию с другими южнорусскими областями, обычно восходят к местным географическим терминам или апеллятивной лексике других тематических групп; в первую очередь это обозначения особенностей рельефа, водная терминология, названия лесных угодий (*х. Ендовино* от *ендова* «овраг круглой формы»; *х. Балки* от *балка* «длинный и широкий природный овраг»; *х. Желобок* от *желобовина* «речное русло»; *с. Лучка* от *лука* «заворот реки, дуга»; *х. Дубравка*; *х. Березник*). Названия, образованные от украинских лексем, объясняются присутствием украинского населения в нашем крае (*х. Криничный* от *криница* «колодезь»; *х. Зеленый Гай* от *гай* «лес»).

В целом наблюдения над ойконимией естественно-географического характера показали, что в ней отражаются объективные реалии данного региона, связанные с названиями естественных географических объектов и явлений природы, игравшей решающую роль в жизни человека в первоначальный период становления ойконимии изучаемого края. Все это подтверждает положение о давности возникновения ойконимов, восходящих к апеллятивной лексике.

От названий естественно-географического характера принципиально отличаются ойконимы, появление которых обусловлено культурно-историческим развитием Белгородской области.

Основным источником образования ойконимов этой группы являются антропонимы. Исследуемый материал помог установить, что в разные исторические периоды принципы отбора антропонимов, образующих ойконимию нашего региона, были различны. В период первоначального заселения края источниками образования ойконимов были имена и прозвища первопоселенцев. К ним относим, в первую очередь, неканонические (дохристианские) имена и прозвища, являющиеся основой ряда ойконимов: *с. Ладомировка* от древнего славянского имени *Ладомир*; *с. Яропольцы* от дохристиан-

ского имени *Ярополк*; *х. Малютин* от неканонического имени *Малюта*. В период крепостничества ойконимами становились канонические имена и восходящие к ним фамилии владельцев земель и селений, например: название *р.п. Борисовка* связано с именем сподвижника Петра I фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева. В послереволюционный период в ойконимию включаются имена и фамилии революционных деятелей, такие ойконимы представляют собой названия-посвящения: *п. Горьковский, х. Дзержинский, п. Ленинский* и др.

Многие местные географические названия служат в известной мере и исторической, и этнографической, и хозяйственной характеристикой края: с историей заселения края и служебной деятельностью населения связаны названия *с. Стрелецкое, с. Пушкарное, с. Сторожевое, х. Рубежный*; этническими наименованиями жителей обусловлены названия *с. Черкасское, с. Цаповка* (от этнонима цацап), *х. Мордовинка*; хозяйственную деятельность населения и черты быта отражают наименования *х. Бондари, с. Дегтярное, х. Попасный*.

Ойконимы советской эпохи соотносительны с названиями революционных праздников и событий или представляют собой оценочно-метафорические названия (*х. Первое Мая, р.п. Октябрьский, х. Новый Мир, х. Братство*).

Ряд наименований населенных пунктов связан с миграцией населения в наш край с других территорий, чаще - со смежных с Белгородской областью (*с. Курское, х. Сумской, с. Харьковское*), в единичных случаях – с более отдаленных (*с. Псковское, с. Кострома*).

Наблюдения над ойконимией культурно-исторического характера показали, что в ней отражаются исторические и социально-экономические факты развития нашего края. Такие наименования, преломляясь через сознание людей, приобретают в ойконимии не только новую номинативную функцию, но и характерологический или оценочный признак.

Таким образом, семантическое своеобразие названий населенных пунктов Белгородской области, как и любого лингвоэтниче-

ского региона, обусловлено конкретными историческими и естественно-географическими факторами.

В отношении словообразования системный лингвоанализ показал, что в ойконимии исследуемого региона используются основные словообразовательные способы и модели, которые свойственны русскому языку.

Преобладающим способом образования белгородской ойконимии, как и вообще русской, является морфологический в аффиксальной его разновидности. Он обусловлен строем языка и временем образования ойконимических единиц.

Следует отметить богатство использованных топонимических суффиксов разной степени продуктивности и употребительности, что характеризует белгородскую ойконимию как раннюю, так как более поздние ойконимы образованы другими способами.

Префиксальные и префиксально-суффиксальные образования в нашем материале дают незначительное число ойконимов, хотя довольно показательных для характеристики естественно-географических условий местности (*х. Подлес, с. Подольхи, х. Залесье, х. Заяровка*).

Определенное место в ойконимической системе занимают ойконимы сложных моделей образования, причем некоторые сложные ойконимы отражают модели древнейших восточнославянских образований (*г. Белгород, с. Васильдол, х. Верходуб*). Следы архаичности видим также в сложных наименованиях с первым компонентом, восходящим к нечленным прилагательным (*с. Большебыково, п. Малоржавец, с. Верхососна*).

Использование в качестве ойконимов субстантивированных прилагательных (или так называемый морфолого-синтаксический способ) также продуктивно для наблюдаемого региона, что связано, безусловно, с общей тенденцией развития русской топонимии, в том числе и ойконимии. Прилагательное-ойконим обладает обычно коннотацией, характеризующим признаком, типичным для объекта или окружающей его среды (*х. Крутой, с. Плоское, с. Короткое*).

В ойконимии Белгородской области используется также лексико-синтаксический способ - употребление в качестве ойконимов

составных наименований, которые фактически приравниваются к одной ойконимической лексеме (*с. Долгая Поляна, х. Липовый Лог, х. Дубовая Балка*).

Одним из самых старых способов образования географических названий нашего края является лексико-семантический способ в его метонимической разновидности применительно к старой ойконимии и метафорической – применительно к новой (*п. Поляна, х. Пролесок, х. Труд, п. Дружба*).

Обращают на себя внимание ойконимы-плюративы, в которых флексия множественного числа имеет синкретическое значение, свидетельствуя о топонимизации данной формы слова (*с. Лески, х. Родники, п. Дубки*). Наличие подобных ойконимов определяется давностью заселения края, в период которого были продуктивны в географических названиях формы множественного числа.

Из всего сказанного следует, что основной пласт ойконимической системы исследуемого региона представлен русскими/восточнославянскими по происхождению и образованию географическими названиями.

В непосредственном соседстве с русскими/славянскими ойконимами находятся некоторые названия, семантика производящих баз которых оказывается неясной, поскольку они являются иноязычными заимствованиями, но адаптированными в местной ойконимии и в практическом употреблении не вызывающие впечатления иноязычности (*с. Аркатово, х. Бакаев, х. Дукмасивка*). С точки зрения современного русского языка некоторые такие названия выступают как немотивированный топонимический факт (*х. Коштин, с. Муром, х. Угрим*). Большая же часть подобных ойконимов имеет финали, обычные для русских/восточнославянских топомоделей (*х. Батлуков, х. Бретчин, х. Чаусово, с. Шидловка*), что свидетельствует о древности соседства и, видимо, достаточной сожительности между донецко-донскими славянами и другими этнолингварными коллективами.

Таким образом, ойконимия Белгородского края представляет собой сложное явление, имеющее свою славянскую/русскую осно-

ву, со следами иноязычных вкраплений, обусловленных особенностями заселения края.

Кроме того, представленный в исследовании фактический материал имеет определенный лингвострановедческий интерес, причем по отношению не только к нашей области, но и к сопредельным с ней территориям.

Вместе с тем изучение ойконимии Белгородской области помогает наполнить конкретным содержанием этнокультурный региональный компонент образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева М.Т. Лексическое взаимодействие русских и украинских говоров Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 10-13.
2. Агеева Р.А. Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель // Историческая ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. - М.: Наука, 1977. – С. 209-216.
3. Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка.– М.: Изд-во МГУ, 1969.
4. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
5. Бондарук Г.П. Некоторые местные географические термины Солнечногорского и Клинского районов Московской области // Топонимика. Вып. 5 / Под ред. Е.М. Поспелова.– М., 1971. – С. 24-26.
6. Бондарук Г.П. Топонимия Московской области // Топонимика. Вып. 1 / Под ред. Е.М. Поспелова.– М., 1967.– С. 16-18.
7. Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом -ьн- // Восточнославянская ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 90-143.
8. Бурко Н.В. Наименование рельефа местности в говорах Орловской области // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. – Орел: ОГПИ, 1994. – С. 26-28.
9. Вендина Т.И. Гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения // Топонимика. Вып. 5 /Под ред. Е.М. Поспелова. – М., 1971.– С. 20-22.
10. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974.
11. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986.
12. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.
13. Гасанова Е.А., Федорова М.В. О фамильных именах белгородцев (конец XX века) // Проблемы русистики (лексикология и грамматика). Тезисы Межрегиональной научной конференции. – Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 11-14.

14. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. – М.: Знание, 1983.
15. Горбаневский М.В. Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: Русские ойконимы и православие // Топонимия и общество. – М.: АН СССР, 1989. – С. 16-31.
16. Горбачевич К.С. Русские географические названия. – М.; Л.: Наука, 1965.
17. Горпинич В.А. Взаимосвязь топонимической и апеллятивной лексики в древнерусском языке // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Днепропетровск, 1983. – С. 12-14.
18. Громова В.В. Роль эллиптирования в образовании ойконимов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1976. – С. 233-238.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.
20. Добродомов И.Г. Ворскла // Русская Речь. – 1987.– № 2. – С. 114-118.
21. Добродомов И.Г. Оскол // Русская Речь. – 1986. – №3. – С. 117-121.
22. Дьякова В.И. Ареальная характеристика местной географической терминологии Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. – С. 101-107.
23. Дьякова В.И. Географическая терминология Воронежской области. – автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1973.
24. Дьякова В.И. Географические апеллятивы в современных воронежских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. – С. 66-71.
25. Дьякова В.И. Принципы и способы номинации местных географических названий в воронежских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1974. – С. 63-66.
26. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Краеведение и диалектология // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. – Орел: ОГПИ, 1994. – С. 47-49.
27. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Узколокальная воронежская лексика // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. – С. 47-50.

28. Жучкевич В.А. Принципы использования топонимии при историко-географических разысканиях // Питання сучасное ономастики. – Киев: Наукова думка, 1976. – С. 59-63.

29. Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973.

30. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991 .

31. Загоровский В.П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. – Воронеж: Центр. – Черноземное изд-во, 1966.

32. Зверев А.Д. О топонимах на -ск // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1976. – С. 102-104.

33. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. – М., 1981.

34. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. – М.: Просвещение, 1973.

35. Климова Л.А. Региональная (арзамасская) антропонимия: к вопросу о ее прошлом и настоящем // Ономастика Поволжья. Материалы шестой конференции. Ч. 1.– М., 1991. – С. 90-101.

36. Климова Л.А. Региональная ономастика: Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области. – Горький: ГГПИ, 1985.

37. Кожин А.П. Составные наименования в русском языке // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 31-36.

38. Кондрашина В.В. Соотносительный ряд «верхний» – «нижний» в русской топонимии // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980. – С. 29-35.

39. Кошарная С.А. О лексемах с общим значением "наименование жилого строения" в белгородских говорах // Проблемы русистики (лексикология и грамматика). Тезисы Межрегиональной Научной конференции. – Белгород: Изд-во БГПУ, 1995.– С. 52-55.

40. Кудрявцева Т.В. Названия населенных пунктов Калужской области // Топонимика. Вып. 1 / Под ред. Е.М. Поспелова. – М., 1967. – С. 290-31.

41. Кузнецова Н.А. Взаимосвязь антропонимии и топонимии (на материале русского языка) // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Днепропетровск, 1983. – С. 23-25.

42. Кузнецова Н.А. Лексические варианты названий населенных пунктов Пензенского края // Лексика русского языка / Под ред. В.Д. Бондалетова. – Рязань, 1979. – С. 54-60.

43. Кузнецова Н.А. Словообразование топонимов Пензенской области // Ономастики Поволжья. Вып. 4.– Саранск, 1976.–С. 255-258.

44. Кулабухов В.С. Приказные избы Белгородского Разряда в XVII в. // К истории Белгородчины. Вып. 2. – Белгород, 1990.– С. 7-11.

45. Кулабухов В.С. Служилые люди на охране южного рубежа Российского государства во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Сборник научных трудов аспирантов. Вып. 1.– Белгород: Изд-во БГПИ, 1994.– С. 124-128.

46. Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания.–1993.– № 3. – С. 86-95.

47. Матвеев А.К. Топономастика и современность // Вопросы ономастики. № 8-9 / Под ред. А.К. Матвеева. – Свердловск: Изд-во УГУ, 1974. – С. 4-14.

48. Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (географические названия).– М.: Изд-во МГУ, 1977.

49. Морозова М.Н. Топонимы в словообразовательной системе современного русского языка // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1974.– С. 83-92.

50. Мурзаев Э.М. Основные направления топонимических исследований // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964.– С. 28-42.

51. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики – М.: Мысль, 1974.

52. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.

53. Немченко В.Н. О словообразовательной структуре прилагательных, употребляемых в составе географических названий // Ономастика Поволжья. Материалы II Поволжской конференции по ономастике. – Горький, 1971.– С. 117-121.

54. Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь?.. (древности приоскольской лесостепи в заметках краеведа). – Волоконовка, 1991.

55. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965.

56. Никонов В.А. География фамилий. – М.: Наука, 1988.
57. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
58. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966.
59. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. – М.: Школа-Пресс, 1993.
60. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968.
61. Осыков Б.И. Белгородский алфавит. Краткий краеведческий справочник. – Воронеж: Центр.-Черноземное изд-во, 1990.
62. Осыков Б.И. Города и реки Белгородчины. – Белгород, 1990.
63. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М., 1965.
64. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.
65. Попов А.И. Географические названия: Введение в топонимику. – М.; Л.: Наука, 1965.
66. Поспелов Е.М. Из истории отечественной топонимики. – Изв. АН СССР. Сер. геогр. Вып. 3. – М., 1977.
67. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917-1992): Топонимический словарь. – М.: Русские словари, 1993.
68. Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. – М.: Просвещение, 1988.
69. Прохоров В.А. Надпись на карте: Географические названия Центрального Черноземья. – Воронеж: Центр.-Черноземное изд-во, 1977.
70. Рогалев А.Ф. Географические названия Гомельщины. Часть II. Историко-топонимический словарь Ветского района Гомельской области. – Гомель, 1992.
71. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 9-89.
72. Рубцова З.В. Из истории донской топонимии // Историческая ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука. 1977. – С. 217-250.
73. Рубцова З.В. Названия деревень – часть народной культуры // Русская речь.– 1989. – № 6. – С. 86-90.
74. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочева. – М.: Школа-Пресс, 1994.

75. Селищев А.М. Из старой и новой топонимики // Избранные труды. — М.: Просвещение, 1968. — С. 97-128.

76. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. — М., 1968. — С. 108-115.

77. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика. — М.: Просвещение, 1990.

78. Смолицкая Г.П. Карты генерального межевания России как источник топонимического исследования // Развитие методов топонимических исследований. — М., 1970. — С. 54-70.

79. Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. — М.: Наука, 1982.

80. Суперанская А.В. Что такое топонимика? — М.: Наука, 1985.

81. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. — Л.: Лениздат, 1991.

82. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — М., 1969.

83. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М.: Наука, 1986.

84. Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993 / Ин-т рус. языка РАН. — М.: Наука, 1994. — С. 3-23.

85. Трубе Л.Л. Отражение хозяйственной деятельности в топонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 4.— Саранск, 1976.— С. 269-271.

86. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б. А. Успенского / Изд. 2-е, испр. — М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.

87. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1967.

88. Федорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии / Под ред. М. В. Федоровой. — Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. — С. 62-70.

89. Федорова М.В. Народная интерлингвистика. Славяне на Дону.— Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.

90. Федорова М.В. Славяне, мордва и анты (к вопросу о языковых связях). — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976.

91. Федорова М.В. Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области // Истоки. Историко-краеведческий сборник статей о Белгородчине. – Белгород: Везелица, 1992.– С. 139-147.

92. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962.

93. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. – Л.: Наука, 1972.

94. Черепяхина Л.И. Географическая терминология на территории Тамбовской области (к проблеме изменения значений): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1977.

95. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – М.: Изд-во МГУ, 1956.

96. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1966.

97. Щеулина Г.Л. Плюрализация как один из способов словопроизводства топонимов // Структурно-семантические характеристики слова и предложения. – Липецк, 1991.– С. 41-43.

98. Щеулина Г.Л. Словопроизводство ойконимов Липецкого края // Структурно-семантические характеристики слова и предложения. – Липецк, 1991. – С. 38-41.

99. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. – Вологда, 1974.– С. 3-118.

100. Яценко А.И. Топонимика Курской области. – Курск, 1958.

101. Яценко А.И. Топонимы и географическая среда // Географическая среда и географические названия. – Л., 1974.– С. 74-86.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

I. В названиях использованной литературы

(полное название соответствующей литературы и ее выходные данные см. непосредственно в списке литературы)

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.

ОВ – Веселовский С. Б. Ономастикон.

СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка.

II. В условных обозначениях районов Белгородской области

БО – Белгородская область

Ал. – Алексеевский район

Белг. – Белгородский район

Борис. – Борисовский район

Вал. – Валуйский район

Вейд. – Вейделевский район

Волок. – Волоконовский район

Губк. – Губкинский район

Ивн. – Ивнянский район

Короч. – Корочанский район

Кргв. – Красногвардейский район

НовОск. – Новооскольский район

Прох. – Прохоровский район

Ракит. – Ракитянский район

Ров. – Ровеньской район

СтОск. – Старооскольский район

Черн. – Чернянский район

Як. – Яковлевский район

III. Прочие сокращения

г. – город

д. – деревня

н.п. – населенный пункт

п. – поселок

р. – река

р-н – район

р.п. – рабочий поселок

с. – село

ст. – станция

х. – хутор

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	3
Введение	7
§ 1. Задачи региональной топонимики	7
§ 2. Из истории топонимики	9
§ 3. Система топонимических терминов	12
Глава I. Классификация ойконимов по семантике образующих основ	14
§ 1. Названия населенных пунктов естественно-географического характера	14
§ 2. Названия населенных пунктов культурно-исторического характера	35
Глава II. Классификация ойконимов по способам словообразования	63
§ 1. Ойконимы, образованные морфологическим способом	64
§ 2. Ойконимы, образованные морфолого-синтаксическим способом	89
§ 3. Ойконимы, образованные лексико-синтаксическим способом (составные наименования)	96
§ 4. Ойконимы, образованные лексико-семантическим способом	104
Заключение	109
Список использованной литературы	115
Принятые сокращения	122

*Отзывы о книге и заявки на приобретение
можно прислать по адресу:
308015, Белгород, ул. Победы, 85, НИУ «БелГУ»,
кафедра русского языка и методики преподавания
И.И. Жиленковой*

Жиленкова Ирина Ивановна

Топонимы Белгородской области
(системный лингвоанализ
названий населенных пунктов)

Учебное пособие по лингвокраеведению

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н.А. Гапоненко*
Дизайн обложки *Д.С. Школенко*

Подписано в печать 26.11.2012. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 7,51. Тираж 100 экз. Заказ 338.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85